

Владимир Григорьевич Трухановский **Адмирал Горацио Нельсон**

<http://fictionbook.ru>

Аннотация

Адмирал Горацио Нельсон – черты портрета флотоводца, политика, человека.

Владимир Григорьевич Трухановский **Адмирал Горацио Нельсон** **(черты портрета флотоводца, политика, человека)**

Абукир

В воскресенье 9 июля 1797 года солнечное утро у атлантического побережья Испании предвещало жаркий день. Море было спокойным. А в английской эскадре, блокировавшей испанский флот в порту Кадис, наблюдалось необычное движение. По приказу командира эскадры адмирала Сент-Винцента мелкие и средние суда

концентрировались вокруг линейного корабля «Св. Георгий». Сюда же были доставлены на шлюпках матросы с остальных линейных кораблей эскадры. Вместе с другими к «Св. Георгию» прибыл с находившимся в его распоряжении отрядом кораблей контр-адмирал Горацио Нельсон. С палубы своего судна он наблюдал, как на рее «Св. Георгия» повесили четырех матросов, приговоренных накануне к смертной казни за попытку поднять восстание на кораблях английской эскадры.

1797 год был тяжелым годом для английского морского флота. Восстания военных моряков охватили

все основные базы, главные эскадры и многие находившиеся в море суда. Матросы бунтовали под влиянием вольнолюбивых идей, шедших из революционной Франции, на них воздействовало движение широких народных масс, развернувшееся в конце XVII века в Англии и Ирландии, их вынуждали поднимать знамя восстания невыносимые условия службы на британских военных кораблях – произвол и полная безнаказанности офицеров, жестокая муштра, задержка в выплате жалованья, нехватка и низкое качество продуктов, плохой медицинский уход за ранеными, наконец, свирепые телесные наказания.

В мирное время военный флот Англии комплектовался за счет добровольных наемников. Однако война против Франции и ее союзников потребовала его расширения, и английский парламент принял закон о насильственной вербовке матросов на военные корабли. В портовые города были

направлены вооруженные отряды под командованием морских офицеров, которые силой брали подходящих людей в питейных заведениях или просто на улицах. «Странное стеснение воли в стране свободной! – пишет французский военно-морской историк XIX века де Гравьер. – Странное злоупотребление власти в классической земле законности! Благодаря этому сильному средству в течение последней войны на английских судах числилось почти столько же беглых, сколько и матросов...»

В апреле-мае 1797 года взрыв негодования среди команд военных кораблей вывел на несколько недель из строя флот, действовавший в Ла-Манше. Адмиралтейство незначительными уступками и обманом дезорганизовало мятежников, а когда порядок был восстановлен, казнило несколько десятков матросов вопреки официально данному королем обещанию, что за участие в

восстании никого преследовать не будут, Но и эта кровавая расправа не предотвратила вызревания бунта на других эскадрах. На протяжении месяцев готовилось восстание на кораблях, блокировавших Кадис. Зачинщиков выявили с помощью пробравшегося в их среду предателя и приговорили к повешению. Военный суд заседал в пятницу и субботу, и приговор был вынесен уже после захода солнца. По традициям имевшим силу закона, нельзя было совершать казни после захода солнца. Казнить по воскресеньям тоже было нельзя. Главнокомандующий адмирал Сент-Винцент торопился и назначил казнь на следующее воскресное утро. Осужденные просили исполнить их последнее желание и отсрочить казнь на пять дней, чтобы они могли подготовиться к смерти. Вице-адмирал Томпсон, находившийся на эскадре, обратился к Сент-Винценту с письмом, в котором просил не нарушать порядок и не

осквернять воскресенье казнью. Тот оставил приказ в силе и потребовал немедленного удаления Томпсона с эскадры. «Я надеюсь, что епископы не осудят меня за осквернение воскресенья. Преступники просили меня дать им пять дней для приготовления к смерти – за эти дни они успели бы организовать еще пятьсот заговоров».

В унисон со своим командиром мыслил Нельсон, хотя никто лучше его не знал истинного положения матросов. Контр-адмирал соглашался, что к ним «относятся с пренебрежением», а когда наступает мирное время, «обращаются позорно». И те не менее, получив в июне сведения о восстании на базе Большой Нор, он писал Сент-Винценту: «Что касается негодяев с базы Нор, то я был бы счастлив командовать кораблем, посланным на их подавление». Когда же Нельсону Сент-Винцент сообщил о том, что он потребовал убрать Томпсона или «отозвать его самого домой», контр-адмирал тут же

ответил: «Прежде всего поздравляю вас с надлежащим завершением этого дела со «Св. Георгием». И если мне будет позволено высказать свое мнение, то я целиком и полностью одобряю столь быстрое приведение приговора в исполнение, хотя оно пришлось на воскресенье... Надеюсь, это положит конец всем беспорядкам на нашей эскадре. Если бы у нас дома была проявлена такая же решимость, то, я уверен, дела были бы вдвое лучше». «Будь это даже Рождество, не то, что воскресенье, – заключил Нельсон, – я все равно казнил бы их». И все же, несмотря на все это, 1797 год был счастливым годом лично для Нельсона и его начальника. 14 февраля английская эскадра у мыса Сент-Винцент нанесла сильное поражение испанской эскадре. Это была очень нужная для Англии победа в войне против Франции и ее союзницы Испании. Английский командующий адмирал Джервис был награжден за нее графским титулом и стал лордом

Сент-Винцентом. Отличился в этом сражении смелый и находчивый капитан Нельсон. Он получил рыцарский крест ордена Бани, возводивший награжденного в дворянское достоинство.

Одновременно подоспело и очередное производство в следующий чин. С этого времени начался важный период в жизни уже достаточно известного в английском флоте 39-летнего контр-адмирала сэра Горацио Нельсона.

Через неделю после событий в Кадисе Нельсону предстояло отправиться в экспедицию. Адмирал Сент-Винцент получил сведения, что вице-король Мексики, бывшей тогда испанским владением, направил в Испанию галеон «Принцесса Астурии», нагруженный золотом. Драгоценный груз должен был существенно укрепить финансы Испании, подорванные войной. Командование английской эскадры загорелось желанием захватить галеон. Это сулило высокие награды и большие деньги. Поступила

информация, что галеон, не надеясь прорваться в блокированный Кадис, укрылся в порту Санта-Крус на острове Тенериф. Этот остров входил в группу Канарских островов, принадлежащих Испании и расположенных в Атлантическом океане у северо-западного берега Африки. Сент-Винцент поручил Нельсону возглавить экспедицию на Тенериф. Были разработаны детальные планы захвата Санта-Крус, подготовлены раздвижные лестницы и другое снаряжение для штурма крепости. В распоряжение Нельсона адмирал выделил три линейных корабля, три фрегата и несколько мелких судов. 15 июля 1797 года, за час до отплытия, капитаны уходящей эскадры явились на флагманский корабль Нельсона «Тезей», получили боевые приказы и на случай, если им придется потерять друг друга из виду в бурную погоду, определили условное место встречи в море – рандеву. Приказом Сент-Винцента Нельсону предписывалось

неожиданной и решительной атакой захватить Санта-Крус и завладеть «Принцессой Астурии» и всеми ценностями, которые будут обнаружены на острове Тенериф. Если жители окажут сопротивление, на них надлежит наложить контрибуцию, а их суда, включая даже рыболовные баркасы, захватить и уничтожить.

Получив такой приказ, Нельсон сказал командующему: «Десять часов – и я буду победителем или потерплю поражение. Мы захватим все, что движется на водной поверхности».

Ровно месяц ничего не было известно о судьбе экспедиции Нельсона. Затем вернулся фрегат «Эмеральд» и доставил Сент-Винценту официальное донесение и два личных письма. Они были написаны странным, едва поддающимся прочтению почерком. Оказалось, что отряд Нельсона благополучно прибыл к цели, но неожиданное нападение на Санта-Крус осуществить не смог.

Ветер был неблагоприятным, а от него в дни парусного флота зависело очень многое. Губернатор острова, завидев корабли англичан, приготовился к обороне. Замысел внезапной атаки был сорван, и это резко снизило шансы предприятия на успех. Тем не менее, Нельсон решил идти напролом. На берег была высажена морская пехота под командованием капитана Трубриджа. Однако засевший в цитадели испанский гарнизон оказал упорное сопротивление, и вскоре Трубридж выбросил белый флаг. Губернатор принял условия перемирия, на которых десант был готов капитулировать, и «прислал людям Трубриджа вина и хлеба». Нельсон не знал об этом и организовал высадку другой группы моряков на молу в гавани Санта-Крус. Высадка происходила ночью, в бурную погоду, под ружейным и артиллерийским огнем испанцев. В авангарде десанта шел сам Нельсон. Едва он выпрыгнул на мол, как тут же был опрокинут

обратно в лодку. Его зацепило зарядом картечи и перебило правую руку. Под сильным огнем испанцев гибли английские матросы, шли ко дну их суда. Бурное море помогало обороняющимся. Атака была отбита. Нельсона спас его пасынок Джошуа Нисбет. Он уложил раненого отчима на дно лодки и туго перетянул его растерзанную руку шелковыми носовыми платками. Потом Джошуа собрал нескольких матросов и, с их помощью выведя лодку из-под огня, благополучно доставил Нельсона на флагманский корабль. Поднявшись на борт, контр-адмирал приказал врачу срочно собирать инструменты. Тут же была произведена операция: правую руку пришлось ампутировать – остался короткий обрубок у самого плеча. Так закончилась неудачная охота за испанским золотом. Потери оказались велики. 141 матрос и морской пехотинец были убиты или утонули, 105 ранены. Примерно столько же стоила англичанам большая победа над

испанским флотом у мыса Сент-Винцент. А что касается жертв среди офицерского состава, то они намного превзошли потери у Сент-Винцента.

Операция на Тенерифе – крупная ошибка Нельсона. После того как возможность внезапного нападения оказалась упущенной, было явным авантюризмом бросаться с имевшимися у него ограниченными силами на штурм крепости, которую защищал восьмидесятысячный гарнизон. Английский адмирал У. Джеймс, восторженный поклонник Нельсона, писал в 1948 году: «Как могло случиться, что контр-адмирал... допустил эту грубейшую тактическую ошибку? Объяснение состоит в том, что... как он сам говорил, его гордость была уязвлена провалом его плана. И его сознание... на какое-то время было помрачено эмоциями, которые не должны воздействовать на принятие решений в ходе сражения». Джеймс, несомненно, прав. Безрассудный азарт всегда был недостатком

Нельсона.

Вообще ему не везло на суше. В 1794 году он участвовал в штурме крепости Кальви на острове Корсика в Средиземном море. Ядро, пущенное из крепости, вонзилось в каменную ограду, и мелкие осколки камня брызнули Нельсону в лицо. Правый глаз навсегда утратил способность видеть.

Как все повышенно-эмоциональные натуры, Нельсон после каждой неудачи впадал в крайний пессимизм. На этот раз у него были серьезные основания для уныния: и провал важной операции, и тяжелое ранение, ставившее под вопрос его пригодность для военно-морской службы, которую он любил больше всего на свете.

Через два дня после поражения у Санта-Крус Нельсон левой рукой, непривычно нацарапал Сент-Винценту скорбное письмо. «Я превратился в бремя для моих друзей и стал бесполезным для своей страны.

Когда я отбуду с вашей эскадры, я умру для всего мира. Надеюсь, вы

дадите мне фрегат, который доставит в Англию то, что от меня осталось». Прибыв через две недели в распоряжение эскадры Сент-Винцента, Нельсон вновь обращается к своему начальнику: «Никогда уже не сочтут полезным однорукого адмирала. Поэтому чем скорее я укроюсь в укромном коттедже, тем лучше. Тем самым освобожу место для более достойного человека, который будет служить стране». (Современный читатель не должен удивляться тому, что Нельсон, находясь в распоряжении эскадры Сент-Винцента, переписывается со своим начальником. Тогда отсутствовала радиосвязь, и капитанам и адмиралам приходилось вести переписку друг с другом.) Когда служебная карьера терпит крах, обычно люди ищут утешения в семье, у домашнего очага. Через десять дней после ранения Нельсон писал жене: «Я настолько уверен в твоей любви, что чувствую – ты получишь одинаковое удовольствие

от моего письма, будет оно написано правой или левой рукой. Это случайность войны, и у меня есть большие основания быть ей признательным. Я знаю, что ты получишь дополнительное удовольствие, узнав, что Джошуа благодаря божьему промыслу сыграл главную роль в спасении моей жизни. Что касается моего здоровья, то оно никогда не было таким хорошим, как сейчас... Но я не удивлюсь, если мной пренебрегут или забудут меня, поскольку, вероятно, меня теперь уже сочтут бесполезным. Несмотря на это, я буду чувствовать себя счастливым, если ты будешь по-прежнему любить меня».

1 сентября фрегат «Сихорс» доставил Нельсона на Спитхедский рейд у Портсмута в Южной Англии. Жена его в это время жила в курортном городке Бат, в юго-западной Англии, недалеко от Бристоля. И через два дня контр-адмирал уже обнимал свою жену...

Именно в ближайшие после этого месяца были сделаны эскизы портретов Нельсона, впоследствии приобретших большую известность. На них изображен густо увешанный тяжелыми орденами, в расшитом золотом мундире мужественный адмирал с белыми не от пудры, а уже от седины волосами, с умным, живым, пристальным взглядом. Высокий лоб, довольно большой, но не тяжелый нос и широкий, мягкий, как бы мятый рот, который обычно называют чувственным. Лицо человека, сознающего свою значительность, уверенного в себе. Портреты, однако, приукрашивали оригинал. Нельсон был небольшого роста, худощав; когда он улыбался или говорил, можно было заметить, что у него плохие зубы. Не мог флотоводец похвастать и крепким здоровьем, а в последние годы жизни он стал даже каким-то изможденным. По словам очевидцев, Нельсон – это «маленькая, исковерканная фигура... с беспокойными движениями и

пронзительным голосом».

Недвижимый, мутный, мертвый правый глаз и пустой правый рукав, согнутый и пристегнутый под грудью, производил тягостное впечатление на тех, кто видел его впервые.

Современники отмечают, что Нельсон всегда носил мундир со всеми наградами, не меняя его на гражданский костюм даже дома. Объясняют это честолюбием и тщеславием адмирала.

Действительно, эти слабости были присущи ему в полной мере. Но есть и другое, простое человеческое объяснение, почему Нельсон не расставался с мундиром и орденами. Рядом со своими соратниками капитанами – с рослым красавцем Самарецем или с мощным, сильным Харди – он выглядел незначительным. Вот эту-то незначительность и должны были устранить многочисленные звезды и адмиральский мундир, в который был облачен щуплый моряк, по выражению одного автора, «хрупкий, как

осенний лист».

Жена Нельсона была внешне под стать мужу, такая же хрупкая и неяркая. Но внутренне эта холодная, сдержанная, рассудительная женщина ни в чем не походила на своего порывистого, эмоционального супруга. До того, как они поженились, Френсис недолго была замужем за доктором Нисбетом – врачом, практиковавшем в английских колониальных владениях на острове Невис в группе Наветренных островов в Карибском море. Молодая вдова с маленьким сыном Джошуа привлекла внимание капитана Нельсона, и он сделал ей предложение.

Бракосочетание состоялось 14 марта 1785 года на острове Невис. Жениху было 27 лет, и он думал, что ему открыты не только все секреты военно-морского дела, но и самые сложные движения человеческой души. Во всяком случае, он был уверен, что знает все о любви. «Моя любовь, – писал он молодой жене, – основывается на уважении;

только оно может быть основой для существования длительной страсти». После женитьбы Френсис (Фанни) жила в Англии, но собственного дома нельсоны не имели. Она часто наезжала в Бат. Здесь были целебные воды, а миссис Нельсон любила лечиться. Да и климат здесь был мягче, чем в других районах Англии, особенно зимой. А в 1797 году, когда англичане с тревогой опасались вторжения французских армий, Бат считался почему-то еще и безопасным местом.

В курортном городке Нельсон задержался недолго и вскоре приехал в Лондон. Мучила не желавшая заживать рука и неизвестность относительно будущего. В Лондоне и к врачам и к Адмиралтейству было поближе.

Врачи быстро установили, что при ампутации руки корабельный врач плохо перевязал рану. В результате плечевая артерия оказалась зажатой, и больной страдал от постоянных болей. Спать он мог, только приняв дозу опиума.

Постоянное лихорадочное состояние вызывало боли и в других частях тела. Нельсон считал, что это ревматизм. Врачи пытались его лечить, но лишь причиняли дополнительные мучения больному и, в конце концов, разводили руками, уверяя, что со временем рана заживет. Но вот времени-то у Нельсона как раз и не было. Ежедневно он навещался в Адмиралтейство, пытаясь выяснить, на что может рассчитывать. 27 сентября в Сент-Джеймском дворце король вручил контр-адмиралу знак ордена Бани. Одновременно ему была назначена пенсия – 1000 фунтов стерлингов в год. По тем временам это была немалая сумма. Существовало правило, по которому лицо, получающее пенсию, должно представить мемориал, содержащий перечень его деяний на службе короля. Мемориал Нельсона гласит, что он «принял участие в четырех сражениях с вражескими флотами, а именно: 13 и 14 марта 1795 года,

13 июля 1795 года и 14 февраля 1797 года; в трех случаях атаковал фрегаты, шесть раз атаковал батареи, десять раз участвовал в лодочных операциях по блокированию гаваней и уничтожению отдельных судов, принимал участие во взятии трех городов. Служил также в армии на берегу четыре месяца и командовал батареями при осаде Бастии и Кальви. Во время войны содействовал захвату семи линейных кораблей, шести фрегатов, четырех корветов и одиннадцати катеров различных размеров, захватил или уничтожил около 50 торговых судов. Участвовал в сражениях и стычках с врагом до 120 раз».

Современному читателю, привыкшему судить о напряженности войны на море по опыту первой и второй мировых войн, такая активность покажется удивительной. Но то были другие времена и другие условия. К тому же Нельсон всегда искал боевой встречи с врагом, что является одной из важнейших черт его флотоводческого таланта. Этим

он и отличался от многих английских адмиралов, своих современников, придерживавшихся осторожной, выжидательной тактики. В свете тогдашней международной обстановки именно такие военачальники, как Нельсон, были необходимы Англии.

В 1797 году война приняла весьма неприятный для английского правительства оборот.

Англо-французская борьба за гегемонию в Европе имела к этому моменту уже очень длинную историю. От исхода этого противостояния зависело не только то, кто будет определять европейскую политику. На полях сражений в Европе решался вопрос о владении обширными и богатейшими колониальными владениями в Америке, Азии и на Ближнем Востоке. Военные действия распространились на Северную Америку и Индию. Англия раньше Франции прошла через промышленную революцию, и это давало ей известные преимущества. Но это не предотвратило ее поражения в

Северной Америке, и еще в 1783 году Англия была вынуждена признать утрату своих 13 североамериканских колоний и согласиться на независимость Соединенных Штатов Америки. То был тяжелый удар. Но английская буржуазия не собиралась умерять свои поистине безграничные аппетиты. Взоры британских политиков были обращены на Индию, которой предстояло стать ядром английской колониальной империи. Однако захватнические планы относительно этого района имелись и у Франции. Противоречия нарастали, борьба усиливалась. Французская буржуазная революция 1789 года вызвала в Лондоне резко отрицательную реакцию. Англия, в которой буржуазная революция разразилась ранее на столетие, выступила главным врагом французской революции. Что это – исторический парадокс? Страна, претендующая на звание самой демократической и самой свободной, исполняет в конце XVIII, в XIX и

XX веках позорную роль наиболее упорного и последовательного душителя освободительных движений. Противоречие только кажущееся. Во-первых, свободы, о которых идет речь, принадлежали не английскому народу, а только правящим кругам. Во-вторых, бесправие и угнетение трудящихся масс в Англии было ужасающим. В-третьих, богатство лондонского Сити создавалось и приумножалось путем жесточайшей эксплуатации многих миллионов колониальных рабов. Поэтому любое освободительное движение являлось антитезой основам английской государственности. Поскольку такое движение неизбежно должно было революционизировать и английский пролетариат, и колониальное население, правящие круги Англии рассматривали любые проявления свободомыслия в других странах как опасную угрозу. В конечном итоге революция укрепила позиции французской буржуазии, которая тут же не замедлила проявить свою

агрессивность, и борьба Англии против Франции вскоре превратилась одновременно и в контрреволюционную войну, и в войну за господство в Европе, за захват колониальных владений. Феодалные европейские монархии, до смерти напуганные бурными событиями во Франции, стали, естественно, союзницами Англии в ее борьбе против Франции. Англия объявила войну Франции в 1793 году, и с этого момента борьба этих двух стран стала основным и могущественнейшим фактором всех международных отношений на последующие 22 года. Эта борьба со стороны Англии имела две специфические особенности. Во-первых, ее правящие круги, верные традиции, стремились переложить тяготы войны против Франции на других, создавая для этой цели различные коалиции. Во-вторых, островное положение Британии и ее крайняя заинтересованность в расширении старых и приобретении новых

заморских владений предопределили важную роль английского флота в военных операциях.

К концу 1797 года окончательно развалилась первая коалиция, созданная Англией против Франции. Одна за другой подписывали мир с победоносной Францией Пруссия, Испания, Голландия. Успешный поход генерала Бонапарта в Италию закончился захватом почти всей страны. В октябре 1797 года Австрия – последний союзник Англии – подписала мир с Францией, уступив ей Бельгию и владения на левом берегу Рейна; Венецианская республика прекратила свое существование, поделенная между Францией и Австрией. Ионические острова стали достоянием Франции. Английскому флоту пришлось уйти из Средиземного моря.

Затишье конца 1797 года было тревожным. Премьер-министр Уильям Питт-младший, упорный и настойчивый организатор борьбы против Франции, гадал со своими советниками, куда теперь враг двинет войска, в каком пункте будет нанесен удар. Доходили слухи, поступали агентурные данные, донесения консулов о том, что в Тулоне и других средиземноморских портах Франции идет энергичная подготовка к какой-то экспедиции с участием и флота, и сухопутных частей. Питт сознавал, что предстоит очередной и, вероятно, очень опасный раунд в схватке с

Францией, и поэтому Англии требуются смелые и инициативные морские офицеры. Впрочем, симпатий к Нельсону премьер-министр не питал, но его достоинства понимал и предполагал использовать талантливого флотоводца в полной мере.

В октябре 1797 года Нельсон писал Сент-Винценту, что, хотя рука все еще очень болит, он намерен просить Адмиралтейство вернуть его на флот. Контр-адмирал не представлял себе жизни без моря. Нелегко был путь Нельсона по служебной лестнице английского военно-морского флота. Он родился 29 сентября 1758 года в многодетной семье приходского священника Эдмунда Нельсона в деревне Барнэм Торп, графство Норфолк. Горацио был шестым ребенком. Мать умерла, когда ему было 9 лет. Жилось семье тяжело. Мальчик недолго посещал школу в Норвиче. И в 12 лет Горацио пристроили на корабль его дяди – капитана Мориса Саклинга. Тот

вначале иронически отнесся к желанию худенького, болезненного подростка стать моряком. «Ладно, — в конце концов сказал Саклинг, пусть приходит. Может статься, пушечное ядро оторвет ему голову, и это решит вопрос о его обеспечении».

Горацио начал нелегкую службу на кораблях, кубрики которых были до предела набиты такими же, как он, юными моряками. Морскому делу учили не преподаватели, а жизнь на корабле, полная опасностей.

Горацио с рвением исполнял свои многотрудные обязанности. Вскоре Саклинг устроил его на торговое судно, отправлявшееся в Вест-Индию. За время плавания юноша постиг азы навигации и управления парусником. По возвращении из плавания Горацио, опять же при поддержке дяди, попал на тендер, курсировавший в устье Темзы, что дало юному моряку возможность в совершенстве освоить трудное искусство управления небольшим судном в условиях

мелководья. В 15 лет он участвует в арктической экспедиции, ко времени которой относится анекдот о том, как Нельсон встретил белого медведя и как пытался убить его ружейным прикладом. После этой экспедиции Нельсон на фрегате ушел в трехлетнее плавание к берегам Индии. Вернулся домой еле живым, его мучила лихорадка. Но вскоре Горацио выздоровел и отплыл в Вест-Индию.

Каждый раз новые корабли, новые люди, новые страны, и лишь одно постоянно – тяжкий и опасный труд моряка. Безупречно прослужив шесть лет, Горацио выдержал экзамен на лейтенанта. В 20 лет он стал самостоятельно командовать судном, бригом «Баджер». По единодушному мнению биографов, это назначение явилось следствием того, что Саклинг в то время занимал весьма важный пост контролера флота. Спору нет, Нельсон был отличным моряком. Но мало ли отличных моряков так навсегда и застряли на должностях лейтенантов?

В 1779 году Нельсону было поручено доставить по морю и по реке экспедицию для захвата важного испанского форта в Никарагуа. Самостоятельно расширив рамки своего задания, Нельсон принял участие в атаке форта. Дизентерия свалила большую часть отряда и самого капитана. Из 200 подчиненных ему моряков осталось в живых лишь 10 человек. Выздоровление же Нельсона было длительным и трудным.

Вскоре последовали плавания в Балтийское море и к побережью Северной Америки. В Вест-Индии Нельсон впервые показал свой характер. После завоевания Соединенными Штатами независимости они стали для Англии иностранной державой, и их суда и грузы должны были рассматриваться как иностранные. Однако американские торговые суда продолжали торговлю с английскими владениями в Карибском море по-старому, нарушая существующее законодательство. Это было выгодно и американцам, и

английским купцам, и плантаторам, поэтому местные английские власти не вмешивались. Нельсон решил, что это непорядок, что закон должен соблюдаться, тем более тот, который защищает английские интересы. И Горацио задержал ряд американских судов. Поднялся страшный шум. Против молодого капитана ополчилось все местное «общество» – и купцы, и власти. Командующий в этом районе адмирал отдал приказ Нельсону – не вмешиваться.

Однако бескомпромиссный капитан, нарушив субординацию, обратился в Лондон и получил поддержку со стороны правительства. Нельсон, конечно, ликовал. Вряд ли он тогда понимал, что старшие чины в Адмиралтействе не любят чрезмерной инициативы и строптивости подчиненных.

Вскоре Нельсон возвратился в Англию и остался не у дел, будучи списан на берег на половинное жалование. «На протяжении шести последующих лет, – пишет один из

его биографов, – пока царил мир, Нельсон находился на берегу, ему не удавалось получить корабль. Причина была в том, что время пребывания в районе Подветренных островов он причинил неприятности своим старшим начальникам и сделал себя непопулярным во многих отношениях».

Из вынужденного бездействия Нельсона вывела война Англии против Франции в 1793 году. Лорды из Адмиралтейства вынуждены были преодолеть свою неприязнь к энергичному капитану...

Через четыре года инициатива Нельсона принесла английскому оружию крупную победу над испанцами. 14 февраля 1797 года эскадра из 15 линейных кораблей адмирала Джервиса, под началом которого служил Нельсон, вошла в соприкосновение с испанским флотом, разделенным на два отряда – в 18 и 8 судов, причем расстояние между ними было довольно велико. Встреча произошла у мыса Сент-Винцент – крайней

юго-западной оконечности Португалии. Английский адмирал решил атаковать более крупный отряд испанцев, надеясь закончить дело до подхода второго отряда противника, для которого ветер был неблагоприятным. После ряда маневров Джервис дал сигнал своим кораблям последовательно сделать поворот и преследовать корабли уходящего противника. Передние корабли англичан исполнили маневр и следовали в кильватере арьергарда испанцев. «К счастью для Джервиса, – пишет американский военно-морской историк Мэхэн, – Нельсон был на третьем корабле, считая от концевое. Вполне усвоив цель своего начальника, он увидел, что усилиям достичь ее грозит поражение, и, не дожидаясь приказаний, немедленно вышел из линии и направил свой корабль «Капитан» на пересечение курса передних кораблей противника. В этом своевременном, но в величайшей степени смелом движении, которое чрезвычайно ярко

иллюстрирует огромную разницу между отчаянным и бесстрашным поступком, 74-пушечный корабль Нельсона прошел впереди испанского отряда... и затем атаковал 130-пушечный «Сантиссима Тринидад» – самый большой из кораблей того времени».

Маневр Нельсона был явным нарушением боевого приказа командующего эскадрой адмирала Джервиса. Но проницательный Джервис сразу понял, что Нельсон поступил правильно, и тут же скомандовал капитану Коллингвуду, шедшему на «Экселенте» вслед за «Капитаном», поддержать Нельсона. В этом сражении англичане захватили четыре линейных корабля противника, обратив остальных в бегство. Был пленен испанский контр-адмирал. Нельсон взял на abordаж сразу два испанских линейных корабля, перейдя с одного на другой; с тех пор этот маневр получил в английском флоте название «мост Нельсона». В сражении у мыса Сент-Винцент

Нельсон продемонстрировал не только выдающуюся личную смелость. Он обнаружил способность лучше и быстрее других оценивать общий ход сражения. К тому же, будучи убежден в своей правоте, он не колебался и брал на себя огромную ответственность за свои поступки. Если многие капитаны принимали решения в зависимости от положения их кораблей, то Нельсон исходил из положения эскадры в целом, хода всего сражения. Это резко выделяло его из среды действовавших в английском флоте капитанов и адмиралов.

Пожалуй, адмирал Сент-Винцент лучше других понимал и ценил Нельсона. Поэтому в октябре 1797 года он приветствовал возвращение своего боевого товарища на флот и просил Адмиралтейство направить его на свою эскадру, все еще блокировавшую Кадис.

На этот раз судьба оказалась милостивой к Нельсону. 29 ноября он лег в постель и не просыпался до самого утра. Это была первая

спокойная ночь с июня месяца. Утром боль почти исчезла. Нельсон чувствовал себя как заново родившимся. Срочно вызвал врача, он вскрыл повязку, и от легкого прикосновения лигатура вышла из гноящейся раны. Через несколько дней рана начала быстро заживать. Оживший контр-адмирал тут же написал два письма. В первом, адресованном священнику ближайшей приходской церкви, говорилось: «Один офицер желает возблагодарить Господа Бога по случаю чудесного выздоровления от тяжелого ранения и за проявленное к нему многократно милосердие». Нельсон просил отслужить по этому поводу благодарственную обедню в воскресенье, 8 декабря 1797 года. Это была не простая формальность; Нельсон всегда оставался глубоко верующим. Подавляющее большинство моряков его времени были подлинно религиозными людьми. Вероятно, это наряду с прочим объяснялось постоянным общением с водной стихией, столь своенравной и

загадочной, таившей в себе
бесчисленные опасности.

Другое письмо Нельсон написал капитану Берри, вместе с которым в битве у мыса Сент-Винцент осуществил взятие на абордаж двух испанских кораблей. Теперь контр-адмирал хотел, чтобы Берри командовал кораблем, на котором он поднимет свой синий адмиральский флаг. Но капитан в это время готовился к свадьбе. «Если вы собираетесь жениться, – писал Нельсон, – я бы посоветовал вам сделать это побыстрее. В противном случае будущая г-жа Берри очень недолго сможет находиться в вашем обществе. Ибо я чувствую себя хорошо, и вас могут позвать в любой момент... наш корабль стоит в Чэтэме. Это 74-пушечное судно, и на нем будет отборный экипаж». Вскоре Нельсон был признан годным для действительной службы. 21 декабря было официально объявлено о его назначении на «Вангард». Пресса сообщила, что храбрый контр-адмирал вскоре отправится в

какую-то секретную экспедицию. Тогда еще никто – ни Уильям Питт, ни Адмиралтейство, ни сам Нельсон – не знал, что эта экспедиция меньше чем через год принесет контр-адмиралу мировую славу, а Англии – крупный успех в борьбе с противником.

29 марта 1798 года Нельсон поднял свой флаг на линейном корабле «Вангард». 30 марта первый лорд Адмиралтейства писал адмиралу Сент-Винценту: «Я очень счастлив направить вам опять сэра Горацио Нельсона не только потому, что не смог бы послать более усердного, деятельного и испытанного офицера, но также и потому, что имею основания полагать, что его присутствие будет соответствовать вашим желаниям».

Это действительно было так. И 1 мая Сент-Винцент отвечал: «Уверяю ваше лордство, что прибытие адмирала Нельсона вдохнуло в меня новую жизнь. Прислав его, вы меня несказанно обрадовали. Его присутствие в Средиземном море

настолько важно, что я имею в виду поставить под его командование «Орион» и «Александр» и, придав три-четыре фрегата, отправить по назначению, чтобы попытаться выяснить истинную цель приготовлений, осуществляемых французами».

Нельсон должен был провести ограниченную операцию исключительно разведывательного характера – установить намерения противника. Но в то же время его миссия имела и символическое значение. После того как два года тому назад английский флот был вынужден покинуть Средиземное море, приход Нельсона должен был означать: англичане возвращаются. Зачем? Ни у кого не могло быть сомнений, что их конечная цель – установление своего господства в этом бассейне.

Питт понимал, что восстановление английской репутации на морях – весьма важная предпосылка для организации следующей коалиции против Франции. 30 апреля лорд

Спенсер писал Сент-Винценту: «Появление британской эскадры в Средиземной море является фактором, от которого в настоящий момент может зависеть судьба Европы». Так действительно думали в Лондоне, хотя и явно преувеличивали роль военно-морского флота в тогдашней войне. Это преувеличение характерно как для политиков, так и бесчисленных английских и не только английских авторов, писавших о Нельсоне.

Весной 1798 года прежде всего требовалось точно установить, к чему готовятся французы в портах Тулона, Марселя, Генуи, Чивитта-Векии и некоторых других. Правительство и Адмиралтейство имели несколько предположений о возможных намерениях противника. Думали, что это подготовка к захвату Сицилии или острова Корфу. Не исключалось и нападение на Португалию. Полагали, что французы собираются атаковать Неаполь. Обсуждалась возможность

замышляемого ими далекого похода в Вест-Индию с целью захвата находившихся там английских колоний. Очень вероятным представлялось, что Франция предпримет попытку послать флот и войска для высадки в Ирландию, с тем чтобы совместно с ирландскими патриотами нанести удар по Англии. Наконец, страшно боялись, что подготовляемая экспедиция направится в Ла-Манш, соединится там с другими кораблями французского флота, находящимися в Бресте, и войсками вторжения и обрушится на юго-восточное побережье Англии. Страх перед высадкой французов овладел многим сквайрами, до этого спокойно сидевшими в своих родовых поместьях, и они потянулись на западное побережье страны, наивно полагая, что французская армия в случае успеха ограничится оккупацией только восточной части страны. Думали обо всех этих возможностях, отмечает адмирал У. Джеймс, «но никто в это время не

думал о Египте». Почтенный биограф адмирала Нельсона допускает неточность. Документы свидетельствуют о том, что английское правительство и Адмиралтейство весной 1798 года располагали весьма авторитетными данными об истинных намерениях французской Директории и ее генерала Бонапарта. Располагали, но практических выводов не сделали. Известно, что в тот момент, когда Нельсон присоединился к эскадре Сент-Винцента у Кадиса, английский консул в Ливорно доносил: французское правительство собрало до 400 судов в портах Прованса и Италии; этот транспортный флот готовится сопровождать военная эскадра; вскоре поспешно снаряжаемые суда смогут доставить сорокатысячную армию в Сицилию, на Мальту или в Египет. «Что касается моего личного мнения, – писал консул, – то я не исключаю, что флоту дадут это последнее назначение. И если французы имеют

намерение, высадив войска в Египте, соединиться с Типу-Султаном (правитель южно-индийского княжества Майсур, ведший вооруженную борьбу против английских колонизаторов), чтобы ниспровергнуть английское владычество в Индии, то их не остановит опасение потерять половину армии при переходе через пустыню».

Это был не единственный, как оказалось впоследствии, верный сигнал. В начале июня военный министр Англии Г. Дандас дважды писал первому лорду Адмиралтейства Спенсеру по этому вопросу. В первом письме читаем: «Мой дорогой лорд! Говорится ли в инструкциях, посланных лорду Сент-Винценту, что Египет следует учитывать при оценке целей экспедиции Бонапарта? Может быть, это фантазия, но я не могу избавиться от размышлений на этот счет». И затем следующее письмо: «Мой дорогой лорд! Индия всю ночь занимала мои мысли...» Эта тревога военного министра была

естественна, ибо оба министра еще в апреле получили информацию, что французский офицер был направлен в Египет и оттуда проследовал в Индию. Ведавший иностранными делами лорд Гренвиль еще в январе получил сведения, что Директория строит планы в отношении Египта и английской торговли в Леванте. Были даже сведения, поступившие от английского капитана Сиднея Смита, о том, что в состав экспедиции Бонапарта включены математики, историки, геологи, которым поручено собирать сведения о древностях и сообщить свои соображения относительно ресурсов Египта и Индии, после того как они будут завоеваны французами. В общем, сигналов было много, но, как замечает де Гравьер, в инструкциях Адмиралтейства только об одном Египте не было ничего сказано. Думали о Неаполе, о Сицилии, о Морее и Португалии и даже об Ирландии – не подумали только о Египте. Очевидно, что при таком различии предположений

Нельсон мог полагаться только на свои собственные соображения...

8 мая Нельсон с тремя линейными кораблями, двумя фрегатами и корветом вышел из Гибралтара и двинулся к южным французским портам. Он не знал еще, что в это же время Бонапарт прибыл в Тулон. Через несколько дней англичане захватили французский корвет и от его команды узнали о прибытии Бонапарта, о том, что 15 французских линейных кораблей, находящихся в Тулоне, готовы к выходу в море, что командует ими адмирал Брюэ, держащий свой флаг на 120-пушечном «Ориенте», что большое количество войск готово к погрузке на транспорты. Это было ценно и важно, но не менее важно было Нельсону знать, когда и откуда направляется эта грозная армия. Экипаж корвета об этом ничего не мог сказать.

Не знал еще Нельсон и о том, что в Лондоне крайне обеспокоенные правительство и Адмиралтейство дали новые указания Сент-Винценту

касательно Средиземного моря. Во-первых, адмиралу было предложено любыми средствами помешать подготовляемой французами экспедиции достигнуть ее цели. Во-вторых, для этого адмирал должен был выделить в распоряжение «какого-либо осмотрительного флаг-офицера» 12 линейных кораблей. Это означало, что англичане переходили от наблюдения и разведки силами флота к использованию этих сил для нанесения поражения французам в Средиземном море. Это открывало перед Нельсоном возможности, о которых он мог только мечтать. Но будет ли Нельсон этим «осмотрительным офицером»? Правда, Сент-Винцент послал его с небольшим отрядом к Тулону, но теперь туда пойдет мощная эскадра, и командование ею могло быть поручено другому офицеру. Тем более что в распоряжении Сент-Винцента было два более старших, чем Нельсон, адмирала. Когда же о назначении Нельсона

было объявлено, они возмутились тем, что их обошли, и направили Сент-Винценту письменный протест. Но тот отличался решительным характером и не терпел, когда ему мешали. Он писал Нельсону: «Сэр Уильям Паркер и сэр Джон Орд написали энергичный протест против поручения вам, а не им, командования отдельной эскадрой!.. Как только их письма поступят, им обоим будет приказано отбыть в Англию». Адмирал Орд был так уязвлен, что даже вызвал Сент-Винцента на дуэль, которая была предотвращена только благодаря вмешательству правительства.

Поэтому весьма кстати подоспело личное и секретное письмо Спенсера, которое Сент-Винцент получил одновременно с новым приказом. «Если вы полны решимости послать эскадру в Средиземное море, – писал первый лорд Адмиралтейства, – я думаю, что нет нужды давать вам советы о целесообразности поручить

командование ею сэру Горацио Нельсону, чье знание этой части мира, равно как и его активность и характер, кажется, делают его особенно подходящим для выполнения данной задачи». Письмо Спенсера укрепило Сент-Винцента в его решении.

Для операции в Средиземном море было дополнительно выделено 10 74-пушечных линейных кораблей, прекрасно снаряженных и имеющих хорошо обученные экипажи. Их повел к Нельсону и повез ему новые инструкции капитан Трубридж. Ни о чем этом контр-адмирал пока не знал и вел наблюдение за французскими портами.

19 мая у южного побережья Франции разразился сильный шторм. Северо-западный ветер отнес корабли Нельсона от берега, разбросал их, а на флагманском корабле «Вангард» сломал фок-мачту и две стеньги. Корабль, почти полностью лишенный рангоута, потерял управление, его несло к берегам Сардинии. Другой линейный

корабль, «Александр», взял «Вангард» на буксир, чтобы его не разбило о скалы. Однако был момент, когда, казалось, уже ничто не спасет изувеченное судно. В последнюю минуту, к счастью, ветер изменился, и капитан «Александера» Болл смог дотянуть «Вангард» до укромной гавани.

Итак, вмешался неблагоприятный случай – а таких случаев на море их как много! – и все планы Нельсона рухнули. Повреждения на корабле были так велики, что на его ремонт требовались два-три месяца, причем ремонт должен был производиться в доке. Любой другой командир после этого увел бы корабли в Гибралтар и там стал бы на ремонт. Но не таков был Нельсон. Он решил ремонтироватьсья на месте, своими силами.

На корабле у Болла служил плотник Джеймс Моррисон, отличный мастер, и под его руководством в течение четырех дней сохранившаяся на «Вангарде» оснастка была использована для устройства

временных аварийных мачт. Теперь корабль вновь смог выйти в море. Но Нельсона ждала новая неприятность. Прибыв на условное место, где должна была состояться встреча с фрегатами (об этом договаривались заранее на случай шторма или других непредвиденных обстоятельств), адмирал их не обнаружил. Теперь он остался без легких судов, без средств разведки – фрегат в то время называли «глазами флота». Впоследствии выяснилось, что капитаны фрегатов, видевшие, как пострадал «Вангард» от шторма, ни минуты не сомневались в том, что его доставят для ремонта в Гибралтар, и сами ушли туда.

Однако худшее еще было впереди. 31 мая Нельсон, находясь уже недалеко от Тулона, получил сведения, что за 12 дней до этого, именно тогда, когда английские корабли были отброшены штормом от берега, французский флот покинул Тулон и, избежав встречи с англичанами, ушел в неизвестном направлении.

Куда двинулся генерал Бонапарт со своими 13 линейными кораблями и 400 транспортами, никто не знал. Подготовка этой экспедиции является собой образец сохранения военной тайны. Уже после того, как экспедиция отбыла из Тулона, начальник Тулонского порта писал морскому министру: «Я знаю о назначении эскадры не более чем знал бы, если бы она не принадлежала республике». Нельсон вернулся на условленное место встречи на случай, если появятся фрегаты или посыльное судно, и там к нему 7 июня присоединился Трубридж с кораблями, посланными адмиралом Сент-Винцентом. Теперь под командованием Нельсона была эскадра из 13 лучших 74-пушечных линейных кораблей, одного 50-пушечного и одного брига. Это было солидное боевое соединение, но с существенным недостатком – отсутствовали фрегаты, крайне необходимые для разведывательных операций. Использовать для этого

линейные корабли было нельзя, и потому Нельсон, вынужденный искать французскую армаду в море, не имея точных данных о ее цели, оказался в довольно трудном положении.

Трубридж доставил и новые инструкции. Нельсону приказывали «найти, захватить, потопить, сжечь или иным путем уничтожить вражеский флот». Англичанам надлежало «преследовать французов в любых портах Средиземного и Адриатического морей, Греческого архипелага и даже Черного моря». Кроме этого, Нельсон должен был решить весьма важную политико-дипломатическую задачу. Ему следовало добиться у великого герцога Тосканского и короля Неаполитанского (Королевства обеих Сицилий) – двух правителей оставшихся не захваченными французами государств на Апеннинском полуострове – согласия на снабжение эскадры водой, продовольствием, снаряжением. Это было сложное поручение, ибо и герцог и король опасались

вторжения в их владения французских войск и не желали поэтому нарушать свой вынужденный нейтралитет. Контр-адмиралу разрешалось получать снабжение и в Турции, и на Мальте, и в Алжире, и в Тунисе, и в Триполи. Нельсон должен был «поддерживать переписку с посланниками Англии при всех итальянских дворах, а также в Вене и Константинополе, а также с консулами по берегам морей», в которых ему предстояло действовать. Как в те времена часто случалось, командующий эскадрой становился политиком и дипломатом.

Внушительная эскадра Нельсона двинулась на юг в поисках неприятеля. Поскольку последнее предположение Сент-Винцента сводилось к тому, что французы собираются захватить Неаполь или Сицилию, англичане двинулись к Неаполю. Так начались два трудных месяца в жизни Нельсона, два месяца нарастающего напряжения, разочарования, а иногда и отчаяния

в связи с тем, что отыскать следы экспедиции Бонапарта никак не удавалось. Контр-адмирал имел в своем распоряжении прекрасную эскадру, чтобы выполнить поставленную перед ним задачу, но... не мог найти противника. Нельсон понимал, чего именно от него ждут. «Многие репутации были приколочены гвоздями к верхушке мачты корабля Нельсона, – пишет Дж. Расселл. – Репутации Питта, Спенсера и военного кабинета, а также Сент-Винцента... собственная репутация Нельсона, репутация военно-морского флота, крайне подорванная недавними восстаниями на кораблях в Спитхеде и Норе, развеивались по ветру. И сверх всего, речь шла о репутации Англии».

Англичане добрались до Неаполя, но сам контр-адмирал на берег не сошел и отправил туда капитана Трубриджа, которому надлежало явиться к английскому посланнику при дворе неаполитанского короля сэру Уильяму Гамильтону. Нельсон

уже бывал ранее в Неаполе. В сентябре 1793 года, когда он командовал кораблем «Агамемнон», его послали к неаполитанцам с известием о захвате Тулона англичанами и с требованием направить им на помощь неаполитанские войска. Нельсон и его пасынок Джошуа Нисбет пять дней прожили в резиденции английского посланника. После первой встречи с Нельсоном сэр Уильям Гамильтон, описывая его своей жене Эмме, говорил, что это «человек небольшого роста, который не может похвалиться интересной внешностью». Гамильтоны приняли Нельсона весьма предупредительно, и он остался очень доволен. Официальную миссию капитан тоже выполнил успешно. Неаполитанцы срочно послали свои отряды в Тулон. Однако это не помешало войскам революционной Франции вскоре вышибить из Тулона и англичан, и их союзников. На этот раз Трубридж, действовавший по приказу Нельсона,

должен был получить у Гамильтона и неаполитанцев сведения по трем вопросам: где находится экспедиция Бонапарта, предоставит ли неаполитанский король свои фрегаты в распоряжение англичан и открыты ли порты Неаполя и Сицилии для снабжения там английских кораблей? Боявшиеся французов неаполитанцы не дали ни фрегатов, ни официального согласия на заход английских кораблей, но неофициально обещали снабдить эскадру всем необходимым в портах Сицилии. Что касается местонахождения Бонапарта, то Трубриджу сообщили, что флот французов ушел к Мальте. Нельсон, наконец, получил хоть какие-то данные о противнике и немедленно, 17 июня, направился к Мальте. Островом в то время управлял Орден мальтийских рыцарей – потомков крестоносцев, ходивших несколько веков тому назад воевать Святую Землю. Нельсон писал великому магистру Ордена, что тому следует собрать все военные суда,

лодки и направить их навстречу английской эскадре, ибо, «не теряя ни минуты, необходимо уничтожить французский флот». Но к тому моменту Мальта уже сдалась французам практически без сопротивления. Об этом Нельсон узнал 22 июня от экипажа генуэзского брига, остановленного им у южного побережья Сицилии. Генуэзцы рассказали, что Бонапарт уже покинул Мальту. Куда же он двинулся? Этого они не знали.

Итак, Неаполь отпал, Сицилия отпала, теперь отпала и Мальта. Нельсон решил, что остается Египет, как наиболее вероятная цель французов, хотя нельзя было исключить и Турцию. Контр-адмирал немедленно собрал наиболее опытных своих капитанов – Самарцеца, Трубриджа, Болла и Дарби. Все они

высказали предположение, что французы пошли к Египту. Туда же направилась и английская эскадра. Напряжение и нервозность Нельсона нарастали, он плохо владел собой. Контр-адмирал днем и ночью жил только предстоящим сражением с французами. Он вынашивал планы битвы на все возможные случаи, вызывал капитанов и обсуждал с ними свои замыслы. Через некоторое время капитаны уже прекрасно знали, как их командующий поступит в любой ситуации, знали и свои задачи. Это превратило эскадру в единый организм, способный четко действовать и мгновенно реагировать на все маневры противника. В свою очередь, капитаны в походе вели непрерывные учения по стрельбе, неустанно тренируя офицеров и матросов. Бонапарт уже знал, что эскадра Нельсона ищет его, и пошел на хитрость. Он отправился к Александрии непривычным, более южным путем. Нельсон же спешил на всех парусах по кратчайшему пути.

В ту же ночь его эскадра, повернув к Александрии, прошла в непосредственной близости от французской. Был туман, и англичане не заметили тех, за кем гнались.

Историки гадают, как развивались бы события, если бы у Нельсона были фрегаты и экспедицию Бонапарта удалось бы тогда обнаружить и уничтожить на море. История подбрасывает много таких вопросов. И попытки ответить на них – дело непродуктивное. В реальной жизни все произошло следующим образом. Английская эскадра обогнала медленно двигавшуюся флотилию французов и достигла, наконец, Александрии, но противника здесь не было. Нельсону задержаться бы здесь на два-три дня, но в его разгоряченную голову не пришла простая мысль, что французы отстали, поскольку у английских линейных кораблей более быстрый ход, чем у торговых кораблей и транспортов, составлявших основную массу судов

экспедиции Бонапартта.

Контр-адмирал решил, что французы находятся в Сицилии. Английская эскадра тут же повернула обратно. И здесь Нельсону опять не повезло. Дул встречный ветер, приходилось маневрировать и медленно продвигаться вперед. Лишь 19 июля, разминувшись второй раз на близком расстоянии с французами, английская эскадра прибыла в Сиракузы на Сицилии. Нельсон чувствовал, что в чем-то ошибся, и написал подробное донесение Сент-Винценту и Адмиралтейству с обоснованием своих действий. Оно звучало как оправдание. Капитан Болл, ознакомившись с донесением, сказал, что это образец краткости и ясности, но отправлять его не рекомендовал. «Я бы по-дружески посоветовал, – сказал Болл, – никогда не оправдываться заранее, до того момента, пока тебя не обвинили в ошибках».

Действия Нельсона в течение двух месяцев, предшествовавших сражению у Абукира, показывают, что даже

выдающиеся военачальники не могут избежать ошибок. «Цепь ошибок Нельсона свидетельствует о том, что он не смог верно оценить обстановку и разгадать замысел противника», – констатируют советские авторы «Истории военно-морского искусства», имея в виду этот период в его жизни. В Сиракузах эскадра запаслась водой, живыми быками (для питания) и топливом. Когда Нельсон прибыл в Сиракузы, он, по его собственному признанию, «так же ничего не знал о местонахождении врага, как и 27 дней тому назад», в течение которых он гонялся за противником и не мог его настигнуть. Адмирал решил, что, вероятно, французы все же в Египте, и срочно пошел опять к Александрии.

В Неаполе тем временем королевский двор и английский посланник пребывали в панике, опасаясь, что Бонапарт вот-вот высадится со своей армией на территории Королевства обеих Сицилий. Жена посланника Эмма Гамильтон писала

Нельсону: «Я боюсь, что здесь все потеряно... Я надеюсь, что вы не уйдете из Средиземного моря, не захватив нас».

Ветер был благоприятный, и переход от Сиракуз до Александрии занял всего четыре дня. Англичане подошли к порту и опять не нашли там французских кораблей. Был дан сигнал повернуть на восток и идти вдоль берега. В час тридцать дня, как обычно, команды принялись за обед. И в это время вахтенные увидели, что линейный флот французов стоит на якоре в Абукирском заливе. Нельсон, приказав поднять сигнал «приготовиться к сражению», сразу же успокоился и распорядился подать обед, пригласив на него офицеров. Теперь все стало ясно. Каждый заранее знал, что ему делать, поэтому планы сражения не обсуждались. Поднимаясь из-за стола, контр-адмирал в присутствии ему высокопарном стиле заявил на прощание офицерам: «Завтра к этому времени я заслужу или лордство,

или Вестминстерское аббатство» (В Вестминстерском аббатстве в Лондоне хоронят королей и самых выдающихся деятелей Англии) .

Ровно за месяц до этого экспедиция Бонапарта прибыла в Александрию и спешно, но вполне благополучно высадилась. Началось завоевание Египта. До возвращения Нельсона Бонапарт уже успел разбить мамелюков в сражении при Пирамидах.

Адмирал Брюэ между тем отвел французскую военную эскадру в Абукирский залив (в 15 милях от Александрии). Французский адмирал нарушил приказ Наполеона о том, чтобы флот укрылся в порту Александрии или на острове Корфу, где он мог находиться под защитой прибрежных батарей. Произошло это потому, что Брюэ не ожидал возвращения английской эскадры. Вот и в тот день 1 августа, когда на французских кораблях неожиданно взвилось два сигнала – «Неприятель в виду» и затем «Неприятель приближается и держит к заливу»,

шлюпки были уже посланы на берег за водой, при них находилась часть экипажей кораблей, а из четырех фрегатов, несших сторожевую службу, ни один не крейсировал вне залива.

Брюэ собрал военный совет. Решили ожидать подхода англичан на месте, ибо не хватало людей, чтобы одновременно вести бой и управлять парусами. Шлюпки с командами отозвали с берега, но большая их часть почему-то была не в состоянии вовремя прибыть на корабли. Приготовления к бою велись нерешительно. Французы надеялись, что 13 кораблей, из них один 120-пушечный и три 80-пушечных, построенные в боевую линию в глубине залива, защищенные отмелями и разместившейся на берегу батареей, смутят англичан, к тому же время близилось к вечеру, и Брюэ думал, что на ночь глядя, не зная рейда и подходов к нему, Нельсон не начнет сражение. Эта расхлябанность французов была на руку англичанам.

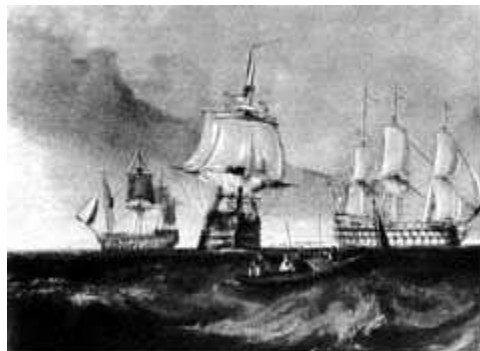
Нельсон, ни минуты не колеблясь, принимал решение немедленно атаковать. Дело к вечеру – значит, бой будет ночным. Тактика Нельсона при Абукире состояла в том, чтобы атаковать превосходящими силами часть кораблей неприятеля, уничтожить их, а затем всеми наличными силами обрушиться на остальные и тоже уничтожить или захватить их. «Я всегда верил, – высокомерно заявлял Нельсон, – что один англичанин равняется трем французам». Но когда приходилось вести крупное морское сражение, он старался разместить свои корабли так, чтобы три из них имели против себя один французский. Это напоминало тактику Наполеона на суше.

Французская эскадра стояла растянутой кильватерной колонной в заливе у берега по линии направления ветра. Французы и мысли не допускали, что противник рискнет вклиниться между ними и берегом. Ведь это означало почти наверняка посадить корабли на

мель. Однако головной корабль английской эскадры прошел в узком пространстве между берегом и ведущим французским кораблем, за ним последовали еще четыре корабля и бросили якоря против находящихся впереди судов эскадры Брюэ.

Одновременно свои остальные суда Нельсон поставил так, что они разместились вдоль противоположных бортов вражеских кораблей. Таким образом, французский авангард и центр оказались под огнем с двух сторон, а арьергард, которым командовал адмирал Вильнев, из-за неблагоприятного направления ветра не смог подтянуться и поддержать корабли Брюэ. В результате семь французских кораблей вынуждены были противостоять тринадцати английским. Французы тут же обнаружили еще одну свою оплошность. Батареи левых бортов их кораблей, обращенные к берегу, оказались загромажденными множеством хозяйственных предметов и не могли в полной мере вести огонь.

Первыми залпами противники обменялись в тот момент, когда солнце уходило за горизонт.

Нельсон был адмиралом синего флага (В те годы в английском флоте применялось три флага одинакового рисунка на полях красного, белого и синего цветов. Адмиралы первого класса поднимали красный флаг, второго – белый и третьего – синий флаг.), и его корабли должны были сражаться под этим флагом, но ночью он был плохо различим, и английские корабли начали бой под белым флагом. Затем, как было условлено, когда темнота стустилась, они подняли еще по четыре фонаря, закрепленные в горизонтальном положении, чтобы можно было отличить своих от французов.

Из всех английских кораблей только один «Куллоден» капитана Трубриджа сел на мель и не смог до двух часов ночи принять участие в сражении. Все остальные суда, включая два из них, подошедшие в темноте, благополучно заняли свои места против кораблей противника. Современный читатель, имеющий хотя бы внешнее представление о военных судах XIX века, должен учитывать, что парусные линейные корабли конца XVIII – начала XIX века были изготовлены из дерева и по современным понятиям очень невелики (так, длина «Куллодена» – 60 метров, а водоизмещение – 1683 тонны. Знаменитый «Виктори», 100-пушечный, был водоизмещением в 2162 тонны). На такой малой площади было сосредоточено большое количество пушек и многочисленная – например, на «Виктори» в 840 человек – команда. Обслуживание орудий и управление парусами требовали многих рук. Расстояние между двумя палубами было, как правило, настолько мало, что

человек высокий не мог встать во весь рост. Подобная скученность влекла за собой большое число жертв во время сражения. Дальнобойность артиллерии в те дни была невелика, и часто во время сражений корабли сходились настолько близко, что огонь, вылетающий из орудий одного корабля, лизал борта другого, по которому шла пальба. На кораблях адмирала Нельсона было 1012 орудий и 8 тысяч матросов. У адмирала Брюэ – 1183 орудия и 10 тысяч человек. Через полчаса два передовых французских судна были выведены из строя. В восемь часов Нельсон был ранен. Осколком железа ему сорвало кожу на лбу, и она повисла широким лоскутом над глазами. Хлынула кровь, и контр-адмирал утратил возможность видеть. Он упал с восклицанием: «Я убит, позаботьтесь о жене!» Его подхватил флаг-капитан Берри. Раненого снесли вниз. Вопреки уверенности Нельсона, что ранение

смертельно, врач констатировал – непосредственной опасности для жизни оно не представляет. Рану перевязали, и врач просил больного лежать спокойно. Но Нельсон не внял его советам, тут же позвал секретаря и попытался диктовать донесения Адмиралтейству.

Ожесточенное сражение и ранение контр-адмирала настолько подействовали на секретаря, что он не в состоянии был писать, так у него дрожали руки.

Тогда Нельсон сам взялся за перо левой рукой и приступил к составлению донесения. Вскоре Берри спустился вниз и сообщил, что французский флагманский корабль «Ориент», на котором командир эскадры Брюэ держал свой флаг, горит. Нельсон поспешил наверх. Корабль полыхал и около десяти часов взорвался со страшным грохотом. Пораженные невиданным взрывом, команды кораблей обеих эскадр прекратили на несколько минут стрельбу. Постепенно люди пришли в себя, и канонада

возобновилась .

Французский адмирал был руководителем нерешительным, неорганизованным, но обладал незаурядной личной храбростью. Дважды тяжело раненный, Брюэ не разрешал, чтобы его снесли вниз, и оставался на мостике до тех пор, пока новое ядро не избавило его от трагического зрелища – гибели своего корабля. Взорвавшийся «Ориент» увлек в глубины Абукирского залива не только бездыханное тело Брюэ, но также 600 тысяч фунтов стерлингов в золотых, слитках и бриллиантах, которые французы изъяли у Швейцарии и римского папы для финансирования восточной экспедиции Бонапарта. На дно ушли и сокровища, реквизированные французами у мальтийских рыцарей. Битва продолжалась до утра, замирая временами, когда смертельно усталые матросы падали у пушек и засыпали на несколько минут. Рассвет увенчал полную победу английской эскадры.

Французы потеряли свыше 6 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. Потери англичан равнялись примерно тысяче человек. Победу удалось одержать потому, что весь личный состав английской эскадры – матросы и офицеры – знал замысел своего командующего и инициативно и самоотверженно реализовывал его каждый на своем месте. Заслуга Нельсона, безусловно, велика. Он составил и отработал план сражения и взял на себя всю полноту ответственности за его осуществление. То было время, когда связь в современном понимании отсутствовала. Контр-адмирал сам все решал и за все отвечал. Согласовать план сражения и утвердить его в Адмиралтействе возможности не было.

В 1966 году один английский адмирал заметил, что быстрые средства связи имеют и хорошую и плохую сторону. «Нельсон, – сказал он, – никогда не одержал бы ни одной победы, если бы в те времена

был телекс».

Первый приказ Нельсона, отданный утром 2 августа 1798 года по поводу победы у Абукира, гласил: «Бог всемогущий благословил оружие его величества и даровал ему победу. Вследствие этого адмирал имеет намерение отслужить сегодня же, в два часа, общий благодарственный молебен и рекомендует на всех кораблях эскадры сделать то же, как только представится возможность. Он от всего сердца поздравляет капитанов, офицеров, матросов и морских солдат эскадры, над которой имеет честь начальствовать, с результатом нынешнего сражения и просит их принять его искренние и чувствительные благодарения за их доблестное поведение в этот славный день. Вероятно, каждый английский матрос понял теперь, каково превосходство команд, содержимых в порядке и дисциплине...»

Этот документ весьма

многозначителен. Во-первых, он лишний раз свидетельствует о религиозности Нельсона. Контр-адмирал был убежден, что всевышний послал ему предварительно ряд испытаний, чтобы унять его гордыню и сделать достойным милости божьей, которая будет оказана в виде победы. Теми же чувствами проникнуты письма Нельсона к жене, написанные сразу после шторма, который отбросил английскую эскадру от Тулона и изувечил его корабль. К этой категории явлений Нельсон относил и то обстоятельство, что два месяца он тщетно гонялся за французами.

Во-вторых, приказ свидетельствует о понимании Нельсоном дисциплины, обучения команд военных кораблей для обеспечения их превосходства в бою. Мы уже знаем, какими средствами в английском флоте поддерживали порядок. Бунтовавших моряков вешали, а затем многие из скомпрометированных судов посылались в разное время в

эскадру Сент-Винцента, и он вздергивал на рею тех, кто вновь проявлял непокорность. Весной 1798 года Сент-Винцент жаловался Нельсону: «Что они там (Адмиралтейство) думают, постоянно посылая мне мятежные суда? Неужели они полагают, что я буду вешателем для всего военно-морского флота?» В течение двух месяцев, предшествовавших Абукиру, Нельсон держал команды в предельном напряжении как повседневными упражнениями в стрельбе, так и работой с парусами. Однако контр-адмирал прекрасно понимал, что здоровый и сытый матрос – это ценный боевой материал, и заботился об этих сторонах матросской жизни.

На следующий день после сражения Нельсон занялся подготовкой обстоятельных донесений в Лондон и Сент-Винценту о происшедшем. Письма были вручены капитану Берри, который получил приказ доставить их к Кадису и в Англию. На случай, если бы с Берри

что-либо произошло и он не смог бы выполнить свою миссию, с дубликатами донесений два моряка были направлены в Неаполь к Гамильтону. Осторожность оказалась не напрасной. В море корабль Берри «Линдер» наткнулся на улизнувший из Абукирского залива французский корабль. Завязался бой, в результате которого «Линдер» был захвачен, а Берри взят в плен. Донесения же, отправленные в Неаполь, оттуда были доставлены через Европу в Лондон. Одновременно Нельсон направил письмо английскому губернатору в Бомбее. Английские власти в Индии были крайне обеспокоены действиями экспедиции Бонапарта на Ближнем Востоке. Они опасались, что его целью является Индия. Нельсон поспешил их успокоить. Курьер – флотский лейтенант – через Алеппо, Багдад, Персидский залив в 60 дней добрался до Бомбея. Нельсон писал губернатору: «В нескольких словах скажу вам, что сорокатысячная французская армия, посаженная на

300 транспортов, в сопровождении 13 линейных кораблей и 11 фрегатов, бомбардирских судов и пр., высажены 1 июля в Александрии. 7-го она направилась к Каиру, куда и вошла 22-го числа... Я имел счастье не выпустить из Генуи еще другой 12-тысячный корпус, а также взять 11 линейных кораблей и 2 фрегата. Словом, только 2 корабля... успели избежать плена. Славная битва эта происходила на якоре в устье Нила; она началась на закате солнца 1 августа, а кончилась на другой день... Дело было жаркое». Действительно, победа англичан при Абукире сняла угрозу французского похода в сторону Индии. Более того, она обрекла на поражение армию Бонапарта. Нельсон организовал блокаду французской армии, поручив командование выделенными для этого судами капитану Сиднею Смиту. Соппротивление населения Египта и Сирии в сочетании с блокадой убедили Бонапарта, что дальнейшее

пребывание на Ближнем Востоке может закончиться только его гибелью. И в августе 1799 года Бонапарт тайно покидает Египет, оставив армию на генерала Клебера. 47 дней пробираются всего два французских фрегата по Средиземному морю (а ведь англичане теперь контролировали средиземноморские пути), и в конце концов, Бонапарт благополучно высаживается на французском берегу (французские войска в Египте продержались до 1802 года).

Абукир помог английским политикам создать в 1798 году вторую коалицию против Франции.

Установление французского контроля в Голландии и Швейцарии, захват Бонапартом Мальты и его поход в Египет встревожили ряд держав и подтолкнули их к объединению.

Разгром французского флота и упрочение английских позиций в Средиземном море содействовали достижению договоренности между Англией, Россией, Австрией,

Испанией, Неаполем и Турцией, образовавшими вторую коалицию. В рамках этой коалиции возник союз России с Турцией и русская эскадра адмирала Ушакова получила возможность пройти через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. Победа над французским флотом у Абукира была очень полезна для английского правительства и во внутриполитическом плане. Авторитет правительства Питта возрос, вероятность вторжения французов значительно уменьшилась. Именно это обстоятельство создало Нельсону огромную популярность в Англии. Отсюда берет начало его всенародная слава национального героя, которая достигнет своего апогея через семь лет. На Нельсона обрушилась лавина наград. Те, кто считал для себя выгодным поражение французов, отметили адмирала и его капитанов. Первая награда прибыла от турецкого султана – бриллиантовый плюмаж, который полагалось носить на шляпе, и также ряд других

ценных подарков.

Монархи ряда европейских стран прислали украшенные бриллиантами ларцы. На крышке ларца императора Павла I имелся также его миниатюрный портрет. Вест-Индская компания преподнесла победителям 10 тысяч фунтов стерлингов.

Представители лондонского Сити, получив от Нельсона шпагу французского адмирала, захваченную в бою, вручили контр-адмиралу и его капитанам дорогие шпаги.

Король наградил капитанов эскадры золотыми медалями. Александр Дэвисон, занимавшийся реализацией призов – трофеев, взятых в Абукирском сражении, преподнес капитанам золотые, офицерам серебряные и матросам – бронзовые медали.

Наиболее оригинальным был подарок близкого друга Нельсона – капитана корабля «Свифтмор» Бена Галлоуэлла. Даритель писал: «Мой лорд! При сем посылаю вам гроб, изготовленный из куса главной мачты «Ориента». Когда вы устанете

от жизни, вас смогут похоронить в одном из ваших трофеев». Адмиралу подарок очень понравился. Его потом видели в каюте стоящим вертикально с закрытой крышкой сзади кресла Нельсона, на котором он сидел за обеденным столом. В английском флоте существовала определенная традиция получения наград в зависимости от характера заслуг. Обычно можно было заранее представить себе награду, которая может последовать. Адмиралы всегда получали высокие титулы. Так, напомним, что Джервис за битву у мыса Сент-Винцент получил титул графа. Учитывая, что победа у Абукира была намного более значительной по числу захваченных и уничтоженных кораблей противника и по политико-стратегическим последствиям, Нельсон надеялся, по крайней мере, стать виконтом, что на одну ступень ниже графского титула. К великому разочарованию адмирала и неудовольствию его друзей и соратников, он получил лишь титул барона, то есть самую

низшую степень английского пэрства. На недоуменные вопросы правительство отвечало: Нельсон был лишь командиром эскадры, но не главнокомандующим в средиземноморском районе (то есть находился в подчинении у адмирала Сент-Винцента). Это, конечно, была формальная отговорка. Причина заключалась в том, что руководители Адмиралтейства и все те, кого Нельсон обошел своим продвижением по службе, не любили его и повлияли на решение правительства. В жизни такие вещи случаются нередко.

До середины августа эскадра Нельсона стояла на месте сражения. Приводили в порядок корабли. Повреждения были огромные. Задача состояла в том, чтобы приспособить суда хотя бы для одного перехода до Неаполя, и Гибралтара, где их можно было поставить в доки. Требовалось снять с мелей захваченные французские корабли с тем, чтобы доставить их в Гибралтар. За эти призы команды –

от адмирала до рядового матроса – получали денежные премии – «призовые деньги». В некоторых случаях адмиралам и капитанам удавалось таким образом сколотить крупные состояния. Поэтому за призами упорно охотились. В английском флоте было немало таких кораблей-призов, в разное время захваченных у испанцев или французов и затем поставленных под английский флаг.

15 августа, наконец, прибыли к Нельсону фрегаты, посланные Сент-Винцентом. С ними был доставлен приказ: срочно идти на северо-запад. Нельсон приказал сжечь три французских корабля, которые еще не были подготовлены к переходу. Часть его эскадры осталась блокировать армию Бонапарта, часть пошла в Гибралтар с призами, а сам он с тремя английскими кораблями направился к Неаполю.

Неаполь

Нельсон покинул Абукир 19 августа 1798 года. В плавание отправились три самых пострадавших корабля. Опасались, что до Гибралтара они могут не дойти, а до Неаполя, который значительно ближе, возможно, дойдут. Ветер был слабый или противный, корабли не в порядке – поэтому шли медленно. В общем, это было даже кстати. Нельсон отдыхал. После огромного более чем двухмесячного напряжения контр-адмирал слег. Сам Нельсон и его спутники понимали, что он серьезно болен. Врачи настаивали на том, чтобы он получил отпуск, поехал в Англию и там привел свое здоровье в порядок. «Моя голова, – писал Нельсон с дороги Сент-Винценту, – раскалывается, раскалывается, раскалывается...» Писать ему было трудно, и он трижды пытался начертать последнее слово. Адмирал собирался пробыть в Неаполе только четыре-пять дней. До Неаполя добирались более месяца. Накануне прибытия неожиданный шквал сломал мачты на

«Вангарде», и адмиральский корабль подходил к Неаполю, буксируемый фрегатом «Талия». В порт вошли 22 сентября.

Встреча была бурной и превзошла все ожидания Нельсона. По зеркальной глади Неаполитанского залива навстречу английским кораблям скользило более 500 судов под разноцветными парусами. На многих играли оркестры, и все суда без исключения до предела были забиты шумными и ликующими неаполитанцами. Не переставая звучала мелодия знаменитой песни «Правь, Британия!» и британского гимна «Боже, храни короля». Первой к «Вангарду» приблизилась барка английского посланника

Гамильтона. Его встретили салютом из 13 орудий. О дальнейшем Нельсон писал жене так: «Сцена в лодке была эффектна. Вверх взлетела жена посланника и с возгласом «О боже, неужели это возможно?» упала в мои объятия. Я надеюсь когда-нибудь представить тебя леди Гамильтон. Она одна из лучших в мире женщин». Через час на «Вангарде» был произведен новый салют из 21 орудия. Это властитель Королевства обеих Сицилий король Фердинанд IV лично пожаловал на борт английского корабля, чтобы поздравить контр-адмирала с победой.

Неаполь веселился на протяжении многих дней. Всюду музыка, иллюминация, фейерверки, приемы, обеды в честь победы англичан.

Центром этих празднеств было посольство Британии – резиденция Гамильтонов, палаццо Сесса.

Нельсон собирался остановиться в гостинице, но Гамильтоны и слушать не хотели об этом. Его поселили в лучших апартаментах дворца,

предназначенных для самых почетных гостей. Кульминацией торжества стал прием по случаю дня рождения Нельсона 29 сентября. Ему исполнилось 40 лет. Во дворец Сесса было приглашено 1800 гостей. В большом зале возвели ростральную колонну с выгравированными на ней словами «*Veni, vidi, vici*» и именами всех английских капитанов, сражавшихся при Абукире. Нельсон любил поклонение и от души наслаждался льстивыми хвалами. Эмма, леди Гамильтон, взяла на себя заботу о здоровье контр-адмирала. Нельсон лежал в комнате на втором этаже, из широких окон которой открывался величественный и прекрасный вид. Залив был как на ладони, но английских кораблей – ветеранов Нила – видно не было; они чинились в доке. Вдали возвышался Везувий. Эмма кормила больного бульонами, поила ослиным молоком, читала ему вслух, меняла повязки. Впервые в жизни Нельсон ощущал по отношению к себе такую нежную, трогательную

заботу.

Ему нужно было выздоравливать, и поскорее. Адмиралтейство, получив донесение о победе над французским флотом, возложило на английскую эскадру Средиземного моря новые обязанности, а именно – «защиту побережья Сицилии, Неаполя и Адриатики и, если военные действия в Италику возобновятся, активное сотрудничество с австрийской и неаполитанской армиями» Согласно директивам Адмиралтейства Нельсон нес ответственность за блокаду Египта и Мальты, ему также поручалось скоординировать свои усилия с действиями русской и турецкой эскадр, появление которых ожидалось в восточной части

Средиземного моря. Таковы были основные задачи, поставленные перед Нельсоном подчиненными ему кораблями, которые он пытался решать на протяжении ближайших двух лет.

Неаполь, или, точнее, Королевство обеих Сицилий, был главной ареной деятельности Нельсона в эти годы. Ему приходилось иметь дело, прежде всего, с двумя парами – королем Фердинандом IV и его супругой Каролиной-Антуанеттой и английским посланником сэром Уильямом Гамильтоном и его супругой Эммой. Причем обе женщины играли самостоятельную политическую роль, и значительно более важную, чем их мужья.

Фердинанд, по происхождению принадлежавший к испанской ветви Бурбонов, был человеком тупым, ограниченным. Любил охотиться, а еще больше – свежевать туши убитых животных. Отличительной чертой этого монарха была трусость. Как-то английский представитель, желая успокоить его, заметил:

«Чего же вы боитесь, ваше величество? Ведь ваши неаполитанцы трусы». На это Фердинанд ответил: «Но ведь я тоже неаполитанец и тоже трус».

Править ему приходилось в бурное время. Француз-скал революция и походы Нельсона не раз заставляли Фердинанда спасаться бегством из Неаполя. Как все трусы, он был злобен и крайне мстителен, когда чувствовал себя в безопасности.

Жена короля, Каролина, дочь австрийской императрицы Марии-Терезии, обремененная обширными материнскими обязанностями (она произвела на свет 18 детей, из них 8 остались в живых), успевала, впрочем, заниматься и государственными делами – и за себя и за мужа.

Постепенно она совершенно подавила волю Фердинанда и стала единолично править страной. Проводимая ею политика имела ярко выраженный проавстрийский характер.

Революционные события в Европе напугали все феодальные дворы, а

неаполитанский в особенности. Уж очень близко от Франции находилось Королевство обеих Сицилий. Неаполитанскому двору пришлось принять дипломатического представителя революционной Франции. То ли с умыслом, то ли случайно, но в качестве такового прибыл в Неаполь и вручал верительные грамоты человек, в свое время оглашавший приговоры, по которым были казнены во Франции Людовик XVI и его жена – родная сестра Каролины Мария-Антуанетта. Очень часто в эти бурные годы приходилось неаполитанской королеве вспоминать о том, что ее может постигнуть судьба ее сестры. Поэтому Каролина с последовательной жестокостью стремилась истреблять всякие либеральные ростки, которые пробивались в неаполитанском обществе.

Географическое положение Королевства обеих Сицилий делало это государство весьма желанным союзником для Англии в ее

неустанной борьбе против Франции. Англия для Неаполя также была естественным союзником, ибо она располагала флотом, который мог бы защитить в случае нужды длинную береговую линию Королевства от нападения французов.

В 1798 году представителю Англии при короле Фердинанде сэру Уильяму Гамильтону было уже 68 лет. Из них примерно половину он провел на посту посланник в Неаполе. До последнего времени эта должность не была обременительной для сэра Уильяма. Его не увлекали хитросплетения неаполитанской политики, в которых впрочем, он легко ориентировался. Интересы Гамильтона лежали в несколько иной плоскости. Он любил Италию, ее природу, яркое голубое море, ему нравился Везувий, горы. Он был человеком образованным, занимался историей и еще больше искусством Древнего Рима и Греции. Сэру Уильяму принадлежала уникальная коллекция этрусских и греческих ваз (из раскопок). Посланник

собирал и картины, у него была хорошая коллекция произведений великих мастеров итальянского Возрождения. Все свое время Гамильтон отдавал изучению своих сокровищ или просто их созерцанию. Правда, досаждали любящему покой и размышления посланнику английские туристы. В те времена даже говорили, что в Неаполе нельзя и шагу ступить – обязательно наткнешься на англичанина. И все это была знать, зачастую высокопоставленная, включая и членов королевской семьи. Эти люди претендовали на особое внимание посланника. Они-то и оставили массу воспоминаний и писем о сэре Уильяме, о его супруге Эмме и о пребывании в 1798–1799 годах в Неаполе Нельсона. Красивой, умной, полной огня леди Гамильтон было в то время 33 года, и она гораздо больше значила в политической жизни королевства, чем ее супруг. Реальной правительнице страны Каролине легче и проще было обсуждать дела с Эммой, а не с ее

пожилым и усталым мужем. Многие беседы велись неофициально, что давало известную гибкость в принятии решений. Сэр Уильям вступал в дело на последнем этапе и официально санкционировал те результаты, которые были достигнуты в переговорах леди Гамильтон и королевы. Две энергичные женщины сконцентрировали в своих руках основные нити политики, которые король Фердинанд не мог держать из-за того, что природа весьма экономно наделила его интеллектом, а сэр Уильям из-за преклонного возраста и отсутствия интереса к политическим интригам. Сэр Уильям представитель древнего аристократического рода герцогов Гамильтонов, был не первым сыном в семье и потому не стал обладателем фамильного состояния. Его мать, происходившая из семьи графов Аберкорн, была кормилицей будущего короля Георга III. В детстве юный Гамильтон играл с наследным принцем. Все это упрочило

положение Уильяма в высшем свете и привело впоследствии к тому, что он занял пост посланника в Неаполе, получив рыцарский крест ордена Вани, которым его наградили «за то, что он был там, где был», то есть тихо и спокойно сидел на берегу Неаполитанского залива. В молодости Уильям служил в гвардии и женился на своей родственнице Екатерине Гамильтон, получившей в наследство крупное поместье в Уэльсе, которое приносило 5 тысяч фунтов стерлингов в год – очень солидную по тем временам сумму. На эти деньги и приобретались бесценные вазы и картины. Холлы и залы палаццо Сесса были украшены работами Леонардо да Винчи, Рубенса, Рембрандта, Гальса и других крупнейших художников. У первой жены сэра Уильяма было плохое здоровье, и она скончалась в 1782 году.

Эмма, прежде чем стать леди Гамильтон и поверенной королевы Каролины, прошла трудный, необычный и почти невероятный

путь. Она родилась 26 апреля 1765 года в бедной семье деревенского кузнеца в графстве Чешир. Семья была большая, и мать пристроила смышленную и красивую Эмму – почти девочку – в прислуги. Эмму постигла судьба многих молоденьких девушек, оказавшихся в услужении в аристократических домах Англии. Еще до того как ей исполнилось 15 лет, ее полной беззащитностью воспользовались некие мерзавцы, в чьих жилах текла голубая кровь. Весной 1782 года Эмма оказалась в доме 33-летнего аристократа-холостяка Чарльза Гревия, где она прожила четыре года. Девушка жадно и быстро училась. Именно в это время она стала настолько красивой, что с нее писали многочисленные портреты крупнейшие английские художники – Рейнольдс, Лоуренс, Хоппер и Ромни. «И вскоре она уже выглядела бы вполне респектабельно в любом обществе», – замечает адмирал Джеймс.

Для Гревия Эмма была всего лишь

удобной хозяйкой его холостяцкого дома. Для Эммы же Гревиль был тогда всем, она его любила, и это признают не только ее друзья, но — что более важно для установления истины — и ее враги.

В 1784 году Уильям Гамильтон приехал в Англию в отпуск. Он был дружен со своим племянником Гревилем и часто гостил у него в доме. Эмма ему сразу понравилась. Девушка мечтала о том, что Гревиль на ней женится. Но у Гревиля были другие планы. Состояния он не имел, сколотить его трудом не хотел, да и не мог — люди этой породы привыкли все получать без усилий, — поэтому оставался один, проторенный многими путь: жениться на богатой наследнице. Тут как раз подвернулся подходящий объект — невеста из довольно знатной семьи с приданым в 20 тысяч фунтов стерлингов. Для реализации этого плана требовалось лишь одно — Эмма должна была покинуть дом Гревиля. Просто выгнать ее на улицу было нельзя. Друзья Гревиля знали всю

историю их отношений, и это вызвало бы скандал. Поэтому племянник решил передать свою возлюбленную сэру Уильяму, благо тот был вдовец и жил далеко от берегов Англии. Гревиль написал в Неаполь, что, поскольку дядя собирается жениться, то «хотел бы, чтобы женщина, сервирующая чай в доме на Эджвэа-роуд (то есть в доме Гревилля), была вашей». Сэр Уильям по разным причинам колебался. Племянник его убеждает. Ряд аргументов «за» и некоторые возражения не могут быть изложены здесь ввиду их непристойности, хотя эта переписка и опубликована в Англии. Опасения Гамильтона относительно того, «что скажут в свете», Гревиль отводил так: «Вы знаете, что свет не требует нас к ответу, если мы не нарушаем приличий».

В конце концов, Гамильтон принял предложение племянника.

Некто Джек Рассел, который написал в 1969 году большую книгу, преисполненную ненависти по

отношению к Эмме, констатирует: «То, что такая сделка могла быть заключена двумя цивилизованными джентльменами, обладающими изысканными манерами, которые торговали женщиной, как лошадью, свидетельствует лишь об уровне морали тех дней». И далее продолжает: «То, что любовница перешла от племянника к дяде, считали несколько эксцентричным, чуточку смешным, но никто не поднял шума, никто никого не порицал, хотя все было хорошо известно, когда Эмма утвердилась в Неаполе. Гревиль позднее стал членом королевского двора... А сэр Уильям занимал свой пост еще на протяжении пятнадцати лет». Однако события развивались не так, как хотелось бы Гревиллю. Он знал, как к нему относится Эмма, и сказать ей прямо о своих намерениях не мог. Поэтому племянник и дядя условились обмануть молодую женщину. Ей сказали, что Гамильтон приглашает ее и Гревилля погостить в Неаполь,

но что вначале поедет туда Эмма в сопровождении своей матери, а затем через некоторое время к ней присоединится Гревиль.

Эмма приехала в Неаполь, сэр Уильям был воплощенная доброта и внимание, но его гостья душой оставалась в Лондоне и все время писала Гревиллю нежные письма. В конце концов, тот в ответном письме посоветовал ей не рассчитывать на него и ориентироваться на сэра Уильяма.

Эмма пришла в бешенство. Ее письма тех дней не оставляют сомнений в искренности ее чувства к Гревиллю. Шло время. Эмма все больше и больше осознавала трудность и сложность своего положения. Со свойственной ей прямоотой и резкостью она писала Гревиллю: «Я никогда не буду любовницей Гамильтона. Раз уж вы наносите мне такую горькую обиду и оскорбление, я заставлю его жениться на мне». Правда, ни Эмма, ни Гамильтон не торопили события. Наконец 6 сентября 1791 года, когда сэр

Уильям опять был в отпуске, они обвенчались в Мэрплстонской церкви в Лондоне. К этому времени Гамильтону исполнился 61 год, а Эмме – 26.

Семь лет прошли спокойно. Эмма быстро освоила итальянский язык и изъяснялась на нем лучше сэра Уильяма. Она успешно училась пению, драматическому искусству. Вскоре леди Гамильтон стала душой местного общества, безупречной, умной и эффектной хозяйкой в резиденции английского посла. Эмма была принята при неаполитанском дворе, хотя там и знали ее историю. И не только потому, что этот двор был славен распущенностью нравов. «Причину, по которой Каролина нежно улыбалась Эмме Гамильтон, нужно искать в области политики, – замечает Рассел. – Неаполь был уязвим с моря, а первой по мощи морской державой являлась Англия. Именно поэтому Каролина опекала леди Гамильтон, а через нее и престарелого шеваляе, английского

посла. По мере того как увеличивалась угроза со стороны Франции, росла и дружба Каролины к Эмме». К моменту появления адмирала Нельсона эти отношения уже были устойчивыми и отлаженными.

В связи с ролью, которую сыграла Эмма Гамильтон в судьбе Нельсона, она еще при жизни приобрела широкую известность не только в Англии, но и в других странах Европы. После описываемых событий прошло более 170 лет, но до сих пор не иссякает поток книг, кинофильмов и телепостановок, посвященных леди Гамильтон. Одни говорят о ней с неудержимой злобой и ненавистью, другие – сочувственно и доброжелательно.

Нельсон восхищался ею с первого же

дня своего пребывания в Неаполе. «Во всех отношениях, – писал он Эмме, – от выполнения вами роли супруги посла до исполнения обязанностей по домашнему хозяйству, я никогда не встречал женщины, равной вам. Эта элегантность, это совершенство, и, прежде всего, доброта сердца – ни с чем не сравнимы». Гёте, путешествовавший в 1787 году по Италии, встречался с Эммой. Он отметил, что «леди очень хороша собой».

Описание внешности Эммы, данное рафинированной дамой из лондонского общества – леди Сент-Джордж, несомненно смотревшей на Эмму ревнивыми и завистливыми глазами, звучит так: «... За исключением ног, которые ужасны, она хорошо сложена. У нее широкая кость, и она очень полна. Очертания ее лица прекрасны, то же можно сказать о ее голове и особенно ушах. Ее зубы несколько неровны, но достаточно белы. У нее светло-голубые глаза с коричневым

пятнышком на одном из них, что хотя и является дефектом, но не умаляет ее красоты и не портит выражение ее лица. Брови и волосы... черные, внешний вид грубый. Очертание лица четко выраженное, лицо меняющееся и интересное. Ее движения в повседневной жизни неизящны, голос громкий, но не неприятный».

Суждения о внешности, манерах, поведении, уме женщины всегда субъективны. И все же из различных высказываний современников об Эмме – благожелательных, нейтральных или отрицательных – можно отобрать то, в чем все согласны. Это, вероятно, и будет наибольшим приближением к действительности. Все (даже вышеупомянутая леди Сент-Джордж) сходятся на том, что Эмма была очень красивой женщиной. Речь идет о той необычайной, яркой, привлекательной красоте, которой не вредили ни довольно высокий рост (Эмма была значительно выше Нельсона), ни полнота. Никто не берет под

сомнение сильный и живой ум Эммы. Все согласны с тем, что она была честным человеком в отношениях со своими близкими и друзьями. Она жила с Гревилем и любила его. Будучи женой Гамильтона, она безупречно выполняла свои обязанности, и сэр Уильям не только не имел к ней претензий, но, несомненно, гордился хозяйкой своего дома. Никто не оспаривает ее жажду знаний и способности их усваивать. Единодушно мнение о том, что она была талантливой певицей и прирожденной актрисой. Эмма обладала огромной энергией, упорством, которые позволили ей совершить невозможное – восстановить свою репутацию в глазах света. Такова была Эмма Гамильтон к осени 1798 года. К тому моменту французские войска находились в непосредственной близости от Неаполитанского королевства – в Риме, где они в свое время свергли власть папы и создали Римскую республику. А войска членов второй

антифранцузской коалиции – Австрии и России – должны были начать военные действия на суше, и в случае успеха союзники, вероятно, смогли бы вытеснить французов из Италии.

Каролина и Фердинанд горели желанием сыграть видную роль в войне, но явно трусили. Абукир и присутствие Нельсона они восприняли как гарантию будущей победы в сухопутной войне против французов в Италии.

Едва появившись в Неаполе, Нельсон сразу же начал организовывать выступление неаполитанских войск. У него была директива Адмиралтейства защищать Королевство обеих Сицилий, и поэтому его поступки в принципе соответствовали поставленным перед ним задачам.

Между Неаполем и Веной шла оживленная переписка. Обсуждались совместные действия против французских войск. Однако австрийский кабинет действовал осторожно. Из Вены в Неаполь был

прислан генерал Мак, чтобы возглавить неаполитанскую армию. Это был тот Мак, который впоследствии прославился позорной капитуляцией перед Наполеоном в Ульме. Австрийский генерал произвел смотр 30-тысячной армии неаполитанцев и заявил, что это лучшая армия Европы. Нельсон также инспектировал войска и доносил Адмиралтейству: «Насколько я разбираюсь в этих вопросах, я согласен, что лучшей армии нельзя себе представить».

В этот момент из Вены была получена депеша (к величайшему огорчению и раздражению Каролины, Фердинанда и Нельсона), в которой австрийцы советовали не торопиться; они полагали, что нужно дать возможность французам напасть первыми. И только в том случае, если французы предпримут наступление, австрийцы окажут помощь Неаполю.

Как ни странно, но это не остановило Нельсона. На состоявшемся военном совете

контр-адмирал высказался за немедленное выступление неаполитанской армии. Здесь он произнес, обращаясь к Фердинанду, слова, которые так любят биографы Нельсона: «Вам остается либо идти вперед, доверившись богу и божьему благословению правого дела, и умереть со шпагой в руке, либо быть вышвырнутым из своих владений».

22 ноября неаполитанское правительство предъявило французам требование об эвакуации войск из Папской области и с Мальты. Под командованием генерала Мака и короля Фердинанда неаполитанская армия с развевающимися знаменами, под марши оркестров двинулась на Рим. Одновременно Нельсон на своих кораблях перевез и высадил в Ливорно 4 тысячи пехотинцев и 600 кавалеристов, что должно было облегчить общее наступление. 15 тысяч французов отступили перед 30 тысячами неаполитанцев, и Фердинанд с помпой въехал в Рим. Вскоре французы перешли в

контрнаступление, и «лучшая армия Европы» практически не оказала им никакого сопротивления.

Неаполитанские солдаты бросали оружие, переодевались при первой возможности в штатскую одежду и бежали к Неаполю. Это повальное и стихийное бегство возглавлял Фердинанд. А в Неаполе под воздействием поражения стали бурно распространяться республиканско-либеральные настроения.

Нельсон понял, что это катастрофа. Спасение он видел только в немедленном выступлении австрийцев. «Я надеюсь, – писал контр-адмирал в Вену, – что император выступит в поддержку Неаполя. Неаполитанские офицеры, непривычные к войне, приходили в состояние тревоги при виде заряженного ружья или вынутой из ножен шпаги. Многие из них – герои мирного времени, – как утверждают, убежали, оказавшись вблизи противника». Нельсон настойчиво убеждает английского посланника в

Вене оказать давление на императора, с тем, чтобы тот спас Неаполитанское королевство.

«Затяжка с началом войны, – писал Нельсон посланнику, – приведет к уничтожению монархии в Неаполе и, конечно, к ликвидации недавно приобретенных владений императора в Италии... Через шесть месяцев будет организована Неаполитанская республика... и тогда, я даю голову на отсечение, император не только потерпит поражение в Италии, но зашатается и его трон в Вене. Везде будет республика, если император не выступит срочно и решительно». Император не выступил. И Нельсону пришлось спасти королевскую семью.

Английский контр-адмирал был повинен в катастрофе, которой закончился авантюристический поход неаполитанцев. Он не обладал ни знаниями, ни опытом ведения сухопутных операций и в то же время с апломбом требовал выступления неаполитанской армии. Если бы не его подстрекательские

речи, Фердинанд не рискнул бы на это наступление. Конечно, виноват и генерал Мак, но, как свидетельствует история, от этого полководца никогда не следовало ожидать чего-либо путного. Между прочим, Нельсон не смог верно оценить Мака – после нескольких встреч с генералом он писал: «Мак активен, у него интеллигентный взгляд на вещи, и я не сомневаюсь, что у него все пойдет хорошо». Контр-адмирал частенько бывал удивительно непоследователен. То он считал неаполитанскую армию лучшей в Европе, то высказывался о неаполитанцах крайне скептически. В конце сентября Нельсон писал первому лорду Адмиралтейства: «Жалкое поведение этого двора не может успокоить мой раздражительный характер. Это страна уличных скрипачей, поэтов, шлюх и негодяев». На всякий случай Нельсон еще в начале октября предупреждал Эмму Гамильтон, что английская колония в Неаполе должна быть готова к

выезду в любой момент. Сэр Уильям воспользовался любезностью контр-адмирала, предоставившего ему возможность на корабле «Какосус» отправить в Англию свои наиболее ценные вазы и картины. Когда 14 декабря Фердинанд бесславно возвратился в Неаполь, оказалось, что такая предусмотрительность была не напрасной. Теперь главной заботой Нельсона и Гамильтонов стала эвакуация королевского семейства. Это нужно было сделать тайно – неаполитанцы могли расправиться с монархом, поняв, что он бросает их на произвол судьбы. Начиная с 15 декабря под покровом ночи Каролина переправляла в палаццо Сесса Эмме Гамильтон бочонки, ящики, корзины. Это были королевские сокровища – золото в монетах и изделиях, бриллианты и другие драгоценности. Все это оценивалось примерно в 2,5 миллиона фунтов стерлингов. Моряки и морские пехотинцы перевозили это имущество – на упаковке была

надпись «Припасы для Нельсона» на флагманский корабль.

Королевскую семью на «Вангард» доставил сам Нельсон, который проник во дворец через подземный ход и этим же путем ночью вывел беглецов на пристань, где их ожидали лодки с вооруженными матросами. На корабле сразу же стало очень тесно – ведь, кроме короля и королевы, прибыли их приближенные. Обстановка была мрачная, начинался шторм, судно раскачивалось под порывами ветра, удерживаемое одним якорем.

23 декабря вечером «Вангард» в сопровождении нескольких судов вышел из порта и взял курс на Сицилию. Переход был трудным. Нельсон говорил, что он не припомнит такого тяжелого плавания. Испуганные пассажиры с трепетом ожидали неизбежной гибели в бушующих волнах. Лишь Эмма держалась твердо, заботясь о королевской чете и о больном младшем принце, который, несмотря на все хлопоты, скончался у нее на

руках. Вскоре «Вангард» прибыл в Палермо, ставший резиденцией короля.

Через месяц французские войска заняли Неаполь и в январе 1799 года провозгласили там Партенопейскую республику.

Нельсон жил в Палермо вместе с Гамильтонами в течение четырех с половиной месяцев. Это было плохое время для контр-адмирала.

Дворцовая клика, очутившись в относительной безопасности, пустилась во все тяжкие. Ночами шла крупная азартная игра, золото на столах переходило из рук в руки. Нельсон оказался вовлеченным в это занятие. К тому же стали распространяться сплетни о его отношениях с Эммой Гамильтон. Друзья адмирала встревожились. Наиболее близкий к Нельсону и любимый им капитан Трубридж решил написать ему письмо с призывом изменить образ жизни. «Простите меня, мой лорд, но только мое глубокое уважение к вам заставляет меня заговорить об

этом. Я знаю, что вы не можете испытывать удовольствие, просиживая всю ночь за картами. Зачем же в таком случае приносить ваше здоровье, комфорт, деньги, свободу – в общем, всё – в жертву обычаям страны, где ваше пребывание не может быть длительным? Я не согласился бы, мой лорд, остаться в этой стране, даже если бы мне отдали всю Сицилию. Я верю, что война скоро закончится, мы покинем это гнездо всяческого позора и будем испытывать удовольствие от улыбок наших соотечественниц... Если бы вы знали, как переживают ваши друзья за вас, я уверен, что вы перестали бы участвовать в этих ночных бдениях. Об азартных играх в Палермо открыто говорят повсюду. Я умоляю ваше лордство оставить их... Верю, что ваше лордство извинит меня. Лишь глубокое уважение, которое я питаю к вам, заставляет меня пойти на риск возбудить ваше неудовольствие». Этот призыв не был услышан.

Неправильно думать, что контр-адмирал в это время только развлекался. Он много работал. Ему приходилось решать все вопросы, связанные с действиями 16 линейных кораблей и перемещениями многочисленных английских торговых судов, вести интенсивную переписку с Петербургом, Константинополем, с консулом в Смирне, с русским и турецким адмиралами, с английскими представителями в Триесте, Вене, Тоскане, на Майорке, с адмиралами Сент-Винцентом и Спенсером. Для Нельсона, владевшего только левой рукой, это была тяжелая нагрузка даже с технической точки зрения. Главное, однако, состояло в том, что по всем проблемам, затрагивавшимся в этой переписке, нужно было формулировать соображения, принимать решения и нести за них ответственность. По мере развертывания весной 1799 года военных действий русских и австрийцев против Франции увеличилась дипломатическая и военная активность в районе

Средиземного моря.

Мальта восстала против господства Франции. Англичане поддержали восстание, снабдив мальтийцев оружием. Французский гарнизон был блокирован в крепости Ла-Валлетта, а военные корабли оказались запертыми в гавани. Английские корабли и сухопутные силы атаковали и заняли испанский остров Менорку – один из двух основных Балеарских островов, принадлежавших союзнице Франции – Испании. Менорка расположена в центре западной части Средиземного моря и является важным стратегическим пунктом, откуда теперь англичане угрожали средиземноморским портам Испании и Франции. В Египте была прочно заблокирована армия Бонапарта, спасти которую, то есть вернуть ее во Францию, вряд ли бы смог даже объединенный флот Франции и Испании.

Английское правительство понимало, что, несмотря на сокрушительное поражение, которое потерпели

французы при Абукире, борьба между Францией и Англией за господство на морях продолжается. Предстояли новые схватки, и в Англии готовились к ним со всей возможной энергией. Пострадавшие в бою корабли были отремонтированы и приведены в боевую готовность. Кроме того, строились новые суда. В начале 1799 года Англия имела 105 линейных кораблей и 469 судов меньших размеров. Флот располагался вокруг европейского побережья таким образом, чтобы блокировать флоты Франции и Испании и чтобы в случае необходимости одна эскадра могла оказать помощь другой. Адмирал Дункан вместе с русским адмиралом Макаровым действовал на Балтике и в Северном море. Лорд Бриджпорт караулил французский флот в Бресте. Английские корабли стояли и против Кадиса, сковывая испанский флот. Французы решили попытаться использовать свой и испанский флоты, чтобы изменить положение на Средиземном море в свою пользу. В

мае 1799 года французская эскадра под командованием адмирала Брюи покинула Брест. Английские корабли упустили ее. Это было лишним свидетельством ненадежности английской блокады. Брюи, миновав Гибралтар, с эскадрой из 25 кораблей вошел в Средиземное море. Английским командирам нужно было принимать срочные меры в связи с изменившейся ситуацией, но какие? Опять предстояло ответить на вопрос мучительный и трудный – куда ринется французская эскадра? Английский адмирал Кейт, блокировавший Кадис, пустился вслед за нею, и испанский флот – 17 кораблей – беспрепятственно вошел в Средиземное море. Находившийся в Гибралтаре усталый и больной Сент-Винцент сконцентрировал в Порт-Магоне на Менорке корабли Кейта и Дакворта под своим командованием. Вскоре прибыли подкрепления из Англии. Было дано знать Нельсону, пребывавшему на Сицилии, что испанский и французский флоты

появились в Средиземном море. Нельсон собрал свои корабли. В его распоряжении оказалось 16 линейных кораблей, из них 3 португальских, о боевых качествах которых контр-адмирал отзывался весьма скептически. Английские адмиралы решили, что франко-испанский флот пойдет в Египет, и поэтому Нельсон вывел свои суда на параллель маленького острова Маритимо, находящегося западнее Сицилии. Тем самым узкий проход из западной части Средиземного моря в восточную был перекрыт. Противник, однако, не пошел к Египту. Испанцев серьезно потрепал шторм, и они укрылись в Картахене. Брюи же двинулся из Картахены к Генуе и доставил оборонявшемуся там корпусу Моро караван торговых судов с хлебом. А в это время Нельсон напрасно поджидал Брюи у Маритимо. Адмирал Кейт, достигший Тулона, там противника не обнаружил. Французский адмирал теперь был озабочен лишь тем, чтобы вывести из Картахены

испанские корабли и благополучно прибыть в Брест, где испанские суда явились бы как бы залогом не очень прочного франко-испанского союза. Пока английские адмиралы в поисках противника бросались наугад из стороны в сторону, Брюи вывел объединенный флот из Картахены в Атлантический океан. Кейт погнался за ним, но безуспешно. 13 июля 1799 года соединенный испано-французский флот укрылся в Бресте. Обстановка на Средиземном море разрядилась в пользу англичан, и Нельсон вернулся в Палермо. Нельзя сказать, что он не замечал того, что происходило при королевском дворе. Нельсон писал в то время: «Что касается политики, то она вызывает у меня отвращение. Эти министры короля и князя – величайшие негодяи, каких когда-либо видел свет». И, тем не менее, все помыслы Нельсона были направлены на то, чтобы восстановить власть этой клики в неаполитанской части Королевства

обеих Сицилий.

Большим ударом для него было полученное в июне известие о том, что адмирал Сент-Винцент по состоянию здоровья покидает пост главнокомандующего эскадрами Средиземного моря. Нельсон пишет старому адмиралу пламенные письма, убеждая его остаться. Вместе с тем он надеется, что все-таки преемником Сент-Винцента сделают его, Нельсона, боевого контр-адмирала, героя Абукира, слава которого гремит по всей Европе. Но... 23 июня Сент-Винцент отбыл в Англию, а главнокомандующим был назначен Кейт. Самолюбие Нельсона было уязвлено, и он проникся тяжелой ненавистью к новому главнокомандующему.

Злоба и ненависть – плохие советчики. Опыт Нельсона лишний раз подтверждает эту старую истину. Контр-адмирал Нельсон, так ценивший дисциплину и порядок в военно-морском деле, сам выказал в ряде случаев прямое неповиновение

приказам своего непосредственного начальника.

В первый раз это произошло в июне, когда еще продолжалась игра в кошки-мышки с французским флотом. Кейт, не зная, где находятся французы (а они в это время были в безопасности в Картахене), решил собрать английский флот у Менорки. Поэтому Нельсон получил предписание послать часть своих кораблей к Менорке в распоряжение главнокомандующего. В это время силы Нельсона были связаны операциями против французов и неаполитанских республиканцев на Апеннинском полуострове, и под этим предлогом он не выполнил указание Кейта.

Нельсон понимал, что его поступок совершенно недопустим. Поэтому, чтобы застраховаться, он пишет первому лорду Адмиралтейства: «Более чем когда-либо я убежден, что в данный момент не могу расстаться ни с одним кораблем. Я не могу этого сделать хотя бы потому, что по 120 человек с

каждого корабля взяты для осады... Я полностью осознаю совершенный мною поступок и, будучи убежден в своих лояльных намерениях, готов принять любую участь, которая меня ждет в связи с моим неповиновением».

Герцогу Кларенскому, с которым он был знаком по совместной службе в молодости в Карибском море, Нельсон писал, что, «хотя военный трибунал может признать меня преступником, весь мир одобрит мое поведение». Позиция для военного человека более чем странная.

Это непослушание осталось без последствий. Битвы с французским флотом не произошло, и главнокомандующий обошелся без кораблей Нельсона. Но если бы Кейту пришлось встретиться с объединенным франко-испанским флотом, то действия Нельсона оказались бы на руку противнику.

9 июля Кейт, уже зная о том, что корабли французов и испанцев ушли из Картахены на запад, отдал новое распоряжение Нельсону.

Главнокомандующий полагал, что,

возможно, они идут к Испании и поэтому их придется преследовать. В этих условиях большая часть кораблей Нельсона должна была прийти от Сицилии к Менорке для защиты этого острова. Нельсону самому или его старшему офицеру надлежало привести туда корабли. Официальный приказ Кейт сопроводил личным письмом, в котором разъяснял, что Менорку нельзя оставлять без охраны, ибо, пока он будет преследовать объединенный флот противника, испанцы могут высадиться на острове и захватить его. Приказ был четким и определенным. Личное письмо должно было польстить самолюбию Нельсона. Кейт держался тактично по отношению к контр-адмиралу, особенно если учесть недавний случай неповиновения со стороны последнего.

Но Нельсон закусил удила. Он решительно отказался выполнить приказ главнокомандующего. Опять под прежним предлогом: в связи с тем, что часть моряков и морских

пехотинцев заняты в сухопутных операциях. «Нельсон вел себя возмутительно», – пишет адмирал Джеймс. Этот весьма симпатизирующий Нельсону автор справедливо замечает: не Нельсон должен был решать, что важнее на данном этапе, так как это прерогатива главнокомандующего. Самонадеянный контр-адмирал, стибавшийся под бременем абукирской славы, играл с огнем. Если бы Менорка подверглась нападению испанцев, ему не миновать бы военного трибунала. Кроме того, Кейт мог – для этого у него было вполне достаточно власти – просто отдать приказ Нельсону спустить свой флаг и отправиться в распоряжение Адмиралтейства. В обоих этих случаях карьера Нельсона почти наверняка была бы закончена.

Осознавая все это, Нельсон вновь обращается с объяснениями в Адмиралтейство. Но там трезво оценивали общую обстановку на Средиземном море. Лорды

Адмиралтейства ответили письмом, в котором указали, что Нельсон поступил неправильно, удерживая всю эскадру для оказания помощи сторонникам короля на материке. Его резко осуждали за то, что он, не выполнив приказ Кейта, оставил Менорку не защищенной от возможного нападения. «Но, – пишет Джеймс, – уверенность Нельсона в себе не была поколеблена, он не смог найти никакого изъясна в своих решениях».

Нельсон должен был контролировать действия на Средиземном море русских – союзников Англии. В основе этого союза лежали объективные реальные интересы обеих стран, как они понимались тогда их правящими кругами. Революция дала возможность победившей французской буржуазии развить экспансию, распространявшуюся на Западную и Центральную Европу, на Италию. Но главный удар французы намеревались нанести по восточным странам Средиземного моря и в районе

Ближнего Востока. Под угрозой оказались Турция, Балканы. В Петербурге опасались – и для этого были известные основания – за Крым и причерноморские области России. Во всех этих сферах французской экспансии затрагивались российские интересы, и поэтому правительству Павла I не удалось вернуться к проводившейся в 60–80-х годах XVIII века политике нейтралитета. Необходимость противодействия общему врагу и побудила Россию и Англию вступить в антифранцузский блок. Официально же союз между Россией и Англией был заключен в январе 1799 года. Одновременно установились и союзные отношения России с Турцией, что было весьма удивительно и неожиданно, учитывая долговременное военное соперничество между двумя этими странами. Турки настолько остро чувствовали французскую опасность – для них она была еще более реальной, чем для русских, – что не только пошли на союз с Россией, но и видели тогда в ней своего

главного покровителя и охранителя. Чуть раньше был подписан договор России с Неаполем, по которому российское правительство обязалось предоставить Королевству обеих Сицилий вспомогательные войска против Франции. Тогда же союзные договора с Неаполем заключили Англия и Турция. Вся эта дипломатическая активность вокруг Неаполя объяснялась тем, что Королевство обеих Сицилий было в то время объектом острейшей борьбы между Францией и антифранцузской коалицией.

Военное сотрудничество между Россией и Турцией началось еще до заключения официального союза. 4 сентября 1798 года русская эскадра адмирала Ф. Ф. Ушакова прошла через проливы в Средиземное море. Под командованием Ушакова находилась и турецкая эскадра, которая численно была больше русской, но значительно уступала ей в боевом отношении.

Испокон веков Англия являлась трудным союзником для тех, кто

объединялся с ней в совместной борьбе против общего противника. Она неизменно старалась переложить на своих союзников всю тяжесть борьбы, максимально сберегая собственные силы. Англия всегда стремилась верховодить в подобных союзах, обеспечивая, прежде всего свои интересы и игнорируя интересы союзников. При всем этом англичане старались воздействовать на стратегию союзников таким образом, чтобы лишить их самостоятельности и поставить во вспомогательное положение по отношению к собственным целям и замыслам. Е. В. Тарле в интересной работе об адмирале Ф. Ф. Ушакове пишет: когда Россия стала участницей второй коалиции, «оказалось, что два других главнейших партнера в затевавшейся тяжелой борьбе – Австрия и Англия – не только относятся неискренне, но уже наперед держат против нее камень за пазухой... Английский кабинет во главе с Уильямом Питтом-младшим, конечно, жаждал, чтобы на помощь

англичанам как можно скорее пришли русские эскадры в Средиземное и Северное моря. Но австрийцы и англичане боялись русских, не доверяли им, завидовали их успехам, хотя, по существу, эти успехи шли на пользу общему делу. А главное – эти союзники мечтали уже наперед не только о победе над французами при помощи русских, но и о том, чтобы сами-то русские не очень задерживались на тех местах, где эти победы произойдут. Это почувствовал на севере Италии и в Швейцарии Суворов. Сразу это понял и действовавший на Ионических островах и на юге Италии Федор Федорович Ушаков, и он вовремя сумел приготовиться к скрытым ударам и парировать их».

В этом плане взаимоотношения Нельсона и Ушакова являются убедительной иллюстрацией английских союзнических традиций. Нельсону хотелось переложить на русскую эскадру большую часть забот по блокаде французской армии в Египте. Кроме того, Нельсон

желал получить от Ушакова помощь в освобождении Южной Италии от французов и республиканцев. Этим, собственно, и должны были ограничиться обязанности русских военно-морских сил в Средиземном море. По их исполнении русским следовало незамедлительно возвратиться в Черное море. Этот стратегический план преследовал три цели: во-первых, он предусматривал, в конечном счете, продолжение закупорки русского флота в Черном море, устранение его из Средиземного моря, которое надлежало предварительно завоевать соединенными силами. Во-вторых, предполагалось удержать русский флот от самостоятельных действий и низвести его на роль вспомогательного отряда при осуществлении английских планов. И, в-третьих, Нельсон должен был не допустить решения русским флотом задач, в которых был непосредственно заинтересован Петербург, а именно – освобождения

Ионических островов, что впоследствии помешало бы французам продвигаться в сторону Балкан и Южной России. Кроме того, императора Павла I волновал вопрос о статусе Мальты. Павел I был гроссмейстером ордена Мальтийских рыцарей. Захват Мальты Бонапартом в 1798 году сильно задел российского императора, и освобождение Мальты эскадрой Ушакова повлекло бы за собой водружение российского флага над островом. Реализация этих планов была крайне невыгодна Англии, ибо в результате их осуществления Россия заняла бы прочные позиции на выходе в открытые моря. Хотя с точки зрения непосредственных российских интересов кораблям Ушакова у Египта делать было нечего, но союз есть союз, и дело чести – добросовестная помощь партнеру. Поэтому русский адмирал в письме к Нельсону изъявил готовность участвовать в блокаде Египта. Правда, Ушаков намеревался

выделить для этой цели из своей эскадры фрегаты и канонерки, одновременно предполагая использовать линейные корабли для занятия Ионических островов. Конечно, такое ослабление эскадры должно было отрицательно сказаться в боях за острова, но тут уж ничего не поделаешь. Однако Нельсона это совсем не устраивало. Он желал, чтобы все русские корабли действовали у Египта, который Англия мечтала прибрать к своим рукам. Ионические же острова он собирался занять сам, как только для этого у него высвободятся силы. В декабре 1798 года Нельсон упрекает Ушакова: «Только что пришел из Александрии английский фрегат, и я с истинным сожалением узнал, что... прибыли всего лишь один или два фрегата и десять канонерок (имеются в виду русские корабли), тогда как, конечно, должно было послать не меньше чем три линейных корабля и четыре фрегата с канонерками и мортирными судами. Египет – первая

цель, Корфу – второстепенная». В последней фразе – суть концепции Нельсона: русские силы нужно стянуть к Египту, а не в район Ионических островов.

Ионические острова расположены цепочкой вблизи западного побережья Греции (тогда владения Турции). Самым крупным и значительным в военном отношении был остров Корфу, поэтому французы приложили максимум усилий для его укрепления.

Жители острова совершенно справедливо относились к французам как к иноземным захватчикам, что облегчало задачу русских моряков. Осенью 1798 года моряки Ушакова выбили оккупантов со всех основных островов, за исключением Корфу. Русские блокировали остров и в результате трехдневного ожесточенного штурма 1–3 марта 1799 года овладели им. Это была невиданная операция, когда только одни военно-морские силы захватили мощную и хорошо защищаемую крепость.

Русский адмирал прекрасно понимал, чего добивается Нельсон, какими категориями он мыслит. Об этом свидетельствует письмо Ушакова от 5 марта 1799 года русскому посланнику в Константинополе В.С. Томаре после взятия русской эскадрой Корфу. «Требования английских начальников морскими силами, – писал Ушаков, – в напрасные развлечения нашей эскадры я почитаю за не иное, что они малую дружбу к нам показывают, желая нас от всех настоящих дел отстранить и, просто сказать, заставить ловить мух, а чтобы они вместо того вступили на те места, от которых нас отделить стараются. Корфу всегда им была приятна: себя они к ней прочили, а нас разными и напрасными видами без нужд хотели отделить... Однако... Корфу нами взята». Далее русский адмирал замечает, что англичане к нему «требования делают напрасные и сами по себе намерение их противу нас обличают. После взятия Корфу зависть их к нам еще умножится...».

Простить этого Ушакову Нельсон не мог.

Английский контр-адмирал занялся межсоюзническими провокациями.

Когда в Неаполь прибыл с наградами от султана уполномоченный великого визиря Келим-эффенди, Нельсон в беседах с гостем пытался возбудить недоверие турок к русским. По мере того как определялось намерение Ушакова не во всем следовать пожеланиям Нельсона, последний отбрасывал всякую сдержанность в выражениях даже в официальной переписке. В январе 1799 года он писал капитану Боллу, руководившему блокадой Мальты: «Нам тут донесли, что русский корабль нанес вам визит, привезя прокламации, обращенные к жителям острова. Я ненавижу русских, и если этот корабль пришел от их адмирала с о. Корфу, то адмирал – негодяй». Интересно, что почти все биографы Нельсона считают нужным упомянуть о его отрицательном отношении к русским и к Ушакову. Трудно сказать, объясняется ли

неприязнь Нельсона к Ушакову также и пониманием того, что русский адмирал опередил его в области флотоводческого искусства. Но факт остается фактом: то, что совершил Нельсон в битве при Абукире, было впервые осуществлено Ушаковым в 1791 году в сражении с турецким флотом в Черном море у мыса Калиакрия. Турецкие корабли, которых было значительно больше, чем русских, стояли у берега под прикрытием сухопутных батарей. Чтобы использовать благоприятное направление ветра, Ушаков повел свои корабли в узкое пространство между берегом и турецкими кораблями и неожиданно для противника навязал ему ожесточенный бой, одержав полную и решительную победу. Следовательно, новая тактика, связываемая с именем Нельсона, была применена на семь лет раньше. Разумеется, английское Адмиралтейство было прекрасно осведомлено о сражении у Калиакрии. Не мог не знать о нем и Нельсон. Хотя бы потому, что в

России служили некоторые англичане, возвратившиеся затем в отечественный флот. Действия кораблей Нельсона и Ушакова были составной частью усилий второй коалиции, которая в 1799 году развернула наступление на французские позиции во многих местах. Участники коалиции намеревались нанести удар в Италии, Швейцарии и Голландии. В Италии и Швейцарии действовали под командованием прославленного Суворова русские и австрийские войска. Старый русский полководец предполагал начать военные операции в Ломбардии и Пьемонте, изгнать французов из Северной Италии и затем мощным вторжением во Францию победоносно закончить войну.

В апреле-мае 1799 года войска Суворова одержали над французами ряд крупных побед в Северной Италии. Однако развить успех не удалось, ибо австрийцы не поддержали смелые планы Суворова. Французы зацепились за геновскую

Ривьеру. Суворов стремился атаковать в этом направлении, но австрийцы занялись еще не взятыми крепостями в Северной Италии, распылили союзные силы и помешали успешной реализации замысла Суворова.

Активные военные действия коалиции и успех Суворова в Северной Италии заставили французские войска в Неаполе под командованием генерала Макдональда уйти на север, на соединение с действовавшей там французской армией. Это ослабило позиции республиканцев в Неаполе. Летом 1799 года корабли эскадры Ушакова подошли к побережью Южной Италии и высадкой десанта на территории Неаполитанского королевства поддержали действия Суворова и союзников в Италии. В это время на юге Италии активно действовали отряды под руководством кардинала Руффо, уполномоченного неаполитанского короля. Моряки эскадры Нельсона сотрудничали с антифранцузскими силами и вели операции на суше, но

без ощутимых результатов. Успех пришел к неаполитанцам – сторонникам короля – и англичанам после того, как на севере Италии перешли в наступление войска Суворова, а на юге – отряды с кораблей Ушакова. Ими командовали капитаны 2-го ранга А. А. Сорокин и Г. Г. Белли. 24 июня неаполитанский министр Мишеру, прикомандированный к отряду Белли, сообщал Ушакову: «Я написал вашему превосходительству несколько писем, что бы уведомить вас о наших успехах. Они были чудесными и быстрыми до такой степени, что в промежуток 20 дней небольшой русский отряд возвратил моему государю две трети королевства». В июне русский отряд и отряды Руффо подошли к Неаполю. По предложению русского командира кардиналом Руффо было заключено перемирие с французами и республиканцами, укрепившимися в крепости Кастелламар и двух замках – Кастель д'Ово и Кастель Нуово. Условия перемирия были разумными:

они предотвращали ненужное кровопролитие и обеспечивали цели союзников – восстановление власти короля Фердинанда в Неаполе. Дело, конечно, было не в гуманности Руффо (эта черта вовсе не была ему присуща), а в том, что требовалось побыстрее взять крепости; опасались появления у Неаполя французского флота, а это могло иметь весьма неблагоприятные последствия для монархистов и их союзников.

Согласно договоренности защитникам замков предоставлялась возможность выйти из укреплений и затем сесть на суда, которые отвезли бы их во Францию. Гарантировалась неприкосновенность личности и имущества республиканцев, остающихся в Неаполе. На них самих и членов их семей распространялась амнистия.

Республиканцы не доверяли кардиналу Руффо, известному расправами над теми, кто выступал против королевской власти. Они потребовали, чтобы условия

капитуляции скрепил своей подписью английский капитан Фут, представлявший здесь адмирала Нельсона. Фут выполнил это пожелание.

Перемирие вступило в силу, военные действия прекратились, был произведен обмен пленниками. На замках и на английском фрегате «Сихорс», где находился капитан Фут, развевались флаги перемирия. Нельсон в это время рвался из Палермо в Неаполь. К его несчастью, французский флот вышел в море, и адмирал Кейт настаивал на том, чтобы Нельсон исходил, прежде всего, из необходимости вести борьбу против флота; а неаполитанские дела, как вполне резонно заключал английский главнокомандующий, можно будет решить и неделей позже. Королева Каролина и Эмма Гамильтон всячески старались заставить Нельсона вернуться вместе с ними в Неаполь. Правящая династия смертельно боялась своих подданных. «Любезный лорд! – писала Эмма Гамильтон

Нельсону 12 июня. – Я провела вечер у королевы. Она очень несчастна! Она говорит, что народ неаполитанский вполне предан королю, однако только одна эскадра Нельсона может восстановить в Неаполе спокойствие и покорность законной власти. Вследствие того королева просит, умоляет, заклинает Вас, любезный лорд, если только возможно, отправиться в Неаполь. Ради бога, подумайте об этом и сделайте то, что просит королева. Если Вы позволите, мы отправимся вместе с Вами. Сэр Уильям нездоров, я также чувствую себя дурно: это путешествие будет нам полезно. Да благословит Вас бог!»

Нельсон мечется. На следующий день он сажает на свои корабли королевские войска, чтобы идти в Неаполь. В этот момент ему вручают письмо от адмирала Кейта. Главнокомандующий сообщает, что, по его данным, французский флот сейчас, вероятно, находится у берегов Италии. Нельсону пришлось

возвратиться в Палермо, высадить неаполитанские войска и спешить в сектор острова Маритимо. Но уже 21 июня, решив, что Кейт без него справится с французским флотом, Нельсон вновь появился в Палермо, взял на борт своего судна «Фоудройант» чету Гамильтон и с 18 кораблями направился к Неаполитанскому заливу. И здесь Нельсон узнал о перемирии, подписанном в Неаполе представителями неаполитанского короля, Англии, России и Турции с французами и неаполитанскими республиканцами. Он пришел в неописуемое бешенство. Как, с этими «гнусными безбожниками» французами, «порочными чудовищами», «подлыми тварями», «негодьями» заключено почетное перемирие?! Он этого не потерпит и немедленно ликвидирует соглашение. Нельсон мог по своему усмотрению наказать капитана Фута, но аннулировать перемирие не имел права. Однако у него была сила – флот, и он использовал ее со

злой мстительностью, которая вот уже почти два столетия с негодованием осуждается. Нельсон объявил, что не примет подписанной капитуляции. Даже каратель Руффо возмутился таким вероломством и пытался отговорить английского контр-адмирала от необдуманного шага. Ничего не подозревавшие французы и республиканцы между тем вышли из замков, сложили оружие на набережной, и кое-кто из них успел даже сесть на суда, отходившие в Тулон. В этот момент все они были арестованы по приказу Нельсона, и неаполитанские монархисты начали расправу над беззащитными людьми. Последовала чудовищная кровавая оргия. Захваченных пленников рвали на части, сжигали на площадях, вешали, расстреливали. Людей истребляли без суда и следствия. Вскоре капитан Трубридж писал Нельсону, что до сорока тысяч семейств оплакивают кого-либо из родственников, заключенных в темницу. Имущество убитых за

бесценое скупалось королевскими агентами. Это было дополнительным стимулом для многочисленных расправ. Сам Нельсон под впечатлением происходящего задумывался: «Нельзя же, однако, отрубить головы всем в королевстве, будь оно даже полностью составлено из мошенников». Но он ничего не сделал, чтобы унять кровопролитие. Пожалуй, наиболее позорным эпизодом в событиях тех дней было дело адмирала князя Караччиоло. Этот неаполитанский аристократ несколько десятилетий служил на флоте, командовал кораблем под руководством английского адмирала Готама, сопровождал Фердинанда на неаполитанском судне во время бегства двора на Сицилию. Будучи по-своему патриотом, он в период Партенопейской республики согласился командовать ее мизерными символическими морскими силами (Нельсон в момент бегства на Сицилию приказал сжечь неаполитанский флот. Это было

исполнено.) . Когда король вернулся в Неаполь и начался террор, 70-летний старик Караччиоло скрывался в горах. За его голову была объявлена награда, и в числе слуг нашелся один, который его выдал. 29 июня вечером Караччиоло был доставлен на английский линейный корабль «Фоудройант», где находились Нельсон и Гамильтоны. Нельсон распорядился немедленно судить пленника. Члены военно-полевого суда – монархисты-неаполитанцы – были срочно собраны. Приговор гласил – смертная казнь через повешение. Нельсон приказал повесить старика на рее стоявшего рядом неаполитанского фрегата. Караччиоло умолял Нельсона рассмотреть дело еще раз, основательно, без спешки. Контр-адмирал отказал, Караччиоло после этого как милости просил, чтобы его расстреляли, но не казнили позорной смертью. Нельсон опять отказал. И Караччиоло повесили в тот же день на рее

фрегата «Минерва», замершего под наведенными на него пушками «Фоудройанта».

Дневниковая запись Нельсона за этот день, как обычно, спокойна и немногословна: «Суббота, 29 июня. Ветер тихий. Облачно. На рейд пришли португальский корабль «Рунья» и бриг «Баллон». Созван военный суд на неаполитанском фрегате «Минерва». Судим, осужден и повешен Франческо Караччиоло». Нельсон писал герцогу Кларенскому: «Все мои предложения принимаются с усердием, и немедленно отдаются приказания, чтобы с ними соображались... Недавно его величество приказал отдать под суд двух генералов, обвиненных в измене и трусости. Он предписал их расстрелять или повесить, как только признают, что они виновны. Если эти приказания выполнят, то я буду надеяться, что принес здесь некоторую пользу, потому что я не перестаю убеждать их в том, что единственное основание всякого благоустроенного правительства

есть искусство вовремя награждать и наказывать». Вот «философское» обоснование действий Нельсона, данное им самим.

Возмущение зверствами, чинимыми английской эскадрой в Неаполе, прокатилось по всей Европе и достигло Англии. Там лидер оппозиции Фокс «первый указал парламенту на эти злоупотребления властью», – отмечает де Гравьер. Нельсон попытался оправдаться. И вот что он написал в свое оправдание: «Я предложил кардиналу Руффо передать французам и мятежникам от моего и своего имени, что перемирие прервано уже одним тем, что перед Неаполем находится английский флот, что французов не будут считать даже военнопленными [...], что касается мятежников и изменников, то никакая власть не вправе посредничать между ними и их милостивым монархом и они должны совершенно положиться на его милосердие, ибо никаких других условий им даровать нельзя.

Кардинал отказался скрепить эту декларацию своим именем, и я, подписав ее один, отослал к мятежникам. Только после этого они вышли из своих фортов, как надлежало мятежникам и как надлежит, надеюсь, всем тем, которые изменяют своему королю и своему отечеству – чтобы быть повешенными или иначе наказанными по усмотрению их государя».

Наилучшим подтверждением того, что действия Нельсона в Неаполе летом 1799 года были, так сказать, нормой для любого английского командующего в подобной ситуации, является оценка его поведения, данная лордами Адмиралтейства.

Первый лорд писал Нельсону:

«Намерения и мотивы, из которых исходили все Ваши меры, были чистыми и добрыми, а их успех был полным».

Начальник русского отряда в Неаполе Г. Г. Белли пытался противодействовать вероломству Нельсона. Поведение русских в Италии радикально отличалось от

поведения англичан. Кстати, сохранилось письмо Мишеру, который так отзывался о действиях русских матросов и солдат: «Конечно, не было другого примера подобного события: одни лишь русские войска могли совершить такое чудо. Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие, любезные нравы! Здесь боготворят их, и память о русских останется в нашем отечестве на вечные времена».

В январе 1800 года корабли Ушакова ушли вначале на Корфу, а затем через некоторое время вернулись в Черное море, в российские порты. 1 августа 1799 года начались торжества и фейерверки по поводу восстановления королевской власти и освобождения Неаполя, по выражению Нельсона, «от воров и убийц». Король Фердинанд в знак благодарности наградил Нельсона титулом герцога Бронте. Титулу было придано огромное поместье на Сицилии, приносящее Нельсону 3 тысячи фунтов стерлингов в год. С этого момента адмирал подписывался

Нельсон и Бронте.

Английское правительство дало согласие на принятие этой награды, что бывало не всегда. Известно, например, что английская королева Елизавета I, увидев на одном из своих дипломатов иностранный орден, воскликнула: «Мои псы должны носить только мои ошейники и никаких других!»

Во второй половине 1799 года и в начале 1800-го Нельсон разрывался между Палермо и Мальтой.

Французский гарнизон, засевший в крепости, упорно не желал капитулировать, несмотря на английскую блокаду. Адмирал Кейт требовал от Нельсона, чтобы он руководил блокадой острова на месте. Нельсон же то появлялся у острова, то возвращался обратно в Палермо. Однажды, надеясь показать Гамильтонам великолепное зрелище – капитуляцию Мальты, Нельсон взял их с собой на корабль, направлявшийся туда. Однако представление не состоялось: французы все же не сдались.

Кейт был недоволен Нельсоном, недовольны были и в Адмиралтействе. Слухи об отношениях Нельсона и Эммы Гамильтон докатились до Лондона и до его жены. Леди Нельсон заикнулась, было, что хочет приехать к мужу в Италию, но Нельсон коротко ответил, что ей надлежит оставаться там, где она находится.

Положение Нельсона одним казалось смешным, другим двусмысленным. В действительности оно было глубоко трагичным. Нельсон и Эмма любили друг друга, любили так сильно, что не могли скрывать свои чувства от других. Оба они страдали. Адмирал понимал, что ставит под сомнение свою репутацию и в значительной степени карьере. Для Эммы любовь к Нельсону была чревата еще большими неприятностями. Невероятными усилиями она добилась высокого положения в обществе, став достойной супругой посланника-аристократа. Ее любовь к Нельсону должна была навсегда

лишить ее всего, не дав в этом отношении ничего взамен. Развод в те времена в Англии мог быть осуществлен лишь актом парламента, то есть практически был невозможен. Сэр Уильям старательно делал вид, что ничего не замечает. А жена Нельсона? Она по-прежнему оставалась в Англии, жила в кругу родственников контр-адмирала. Еще более были недовольны в Адмиралтействе неоднократными проявлениями недисциплинированности Нельсона. Там надоели его частые письма с жалобами на здоровье (когда у Нельсона были неприятности, он тут же заболел). Лорды считали, что контр-адмирал слишком много внимания уделяет интересам Неаполитанского королевства в ущерб другим своим обязанностям. Однажды Нельсон получил от лорда Спенсера следующее строгое письмо: «Я хотел бы, милорд, чтобы Ваше здоровье позволило Вам остаться в Средиземном море. Но я думаю, согласуюсь с мнением всех Ваших

друзей, что Вы скорее поправитесь в Англии, чем, оставаясь в бездействии при иностранном дворе, как бы ни были Вам приятны уважение и благодарность, внушенные там Вашими заслугами». 10 июня 1800 года Нельсон и супруги Гамильтон (Уильяма отзывали в Англию), а также королева Каролина на корабле «Фоудройант» вышли из Палермо в Ливорно. Из Ливорно до Анконы они проследовали по суше. Далее русский фрегат доставил путешественников до Триеста, затем в экипажах они прибыли в Вену. Здесь Каролина осталась, а ее спутники поехали дальше, до Гамбурга, откуда морем добрались 6 ноября до Ярмута. Горацио Нельсон вернулся на родину.

Трафальгар

Пятилетие, прошедшее после возвращения Нельсона и Гамильтонов в Англию, было бурным. Как известно, Нельсон не сумел

предотвратить возвращения генерала Бонапарта из Египта во Францию. Вероятно, в Лондоне и тогда уже думали, что прибытие Бонапарта во Францию было более опасным для Англии, чем возвращение с Ближнего Востока всей французской армии, но без этого генерала. А впоследствии английские политики и подавно в этом уверились. Энергичный генерал осуществил 9 ноября – восемнадцатого брюмера – 1799 года государственный переворот и стал первым консулом Франции, то есть ее безраздельным правителем. Ничего хорошего Англии это не сулило.

Контр-адмирал вернулся на родину, не решив и второй важной задачи: Мальту при нем так и не взяли. Лишь в сентябре 1800 года англичане заставили капитулировать исчерпавший продовольственные ресурсы французский гарнизон крепости Ла-Валлетта. Для английского флота и для самого Нельсона это был весьма неприятный эпизод. Англичане более двух лет

возились с осадой Мальты, тогда как русский адмирал Ф. Ф. Ушаков при менее благоприятных условиях быстро захватил укрепления Корфу. Как-то так получилось, что в западной историографии подвиг русских моряков во главе с Ушаковым, по существу, предан забвению. Замалчиваются и промахи англичан, связанные с проходом двух легких французских судов с Бонапартом на борту через блокированное английскими кораблями Средиземное море и с бесславной осадой Мальты. Во всяком случае, Нельсон выглядит в описаниях его биографов так, будто бы все это к нему не имело ни малейшего отношения. Это лишний раз подтверждает то, что муза Клио – дама весьма капризная, к тому же не всегда справедливая и беспристрастная.

Генерал Бонапарт, сконцентрировав в своих руках власть во Франции, несколько удивил ее противников, предложив им заключить мир.

Первому консулу передышка была

необходима как для юридического оформления произведенных французами захватов, так и для подготовки к дальнейшему ведению войны. Кроме того, эта дипломатическая атака Бонапарта могла бы привести к расколу антифранцузской коалиции, раздираемой внутренними противоречиями. Ни сам Бонапарт, ни его главный враг, английский премьер-министр Уильям Питт не заблуждались относительно того, что речь идет в действительности не о мире, а о перемирии. Питт заявил в парламенте: «Почему я снова отрицаю мир? Потому что он ненадежен и опасен, потому что он не может быть заключен». Австрия тоже пыталась «отрицать мир», но разгром ее войск французами в июне 1800 года в Италии вынудил Вену подписать 9 февраля 1801 года мир с Францией на очень выгодных для последней условиях. Упрочение французских позиций в Европе, бесцеремонные территориальные захваты не могли,

конечно, импонировать российскому правительству. Казалось бы, это обстоятельство должно было стимулировать сближение между Санкт-Петербургом и Лондоном. Однако нелояльное отношение английского правительства к союзникам, стремление вытеснить из Средиземного моря не только своего врага – Францию, но заодно и своего партнера – Россию, а также попытки подчинить русскую торговлю английскому контролю привели к тому, что правительство Павла I пошло на разрыв с Лондоном. Россия попыталась противопоставить британскому господству на морях Лигу вооруженного нейтралитета с участием Дании, Швеции и Пруссии. Для английских торговых судов все порты от Невы до Эльбы оказались закрытыми.

В это время произошли изменения в английском правительстве. Уильяма Питта на посту премьер-министра сменил в 1801 году Аддингтон, настроенный в пользу мира с Францией. Эти перемены затронули и

Адмиралтейство. Лорд Спенсер уступил руководство военно-морским флотом графу Сент-Винценту. Новое правительство решило провести в жизнь старый, предложенный Питтом план – послать в Балтийское море эскадру, которая должна была разгромить флоты стран – участниц Лиги вооруженного нейтралитета и силой превратить их в послушных союзников Англии. Операцию следовало осуществить не позже весны 1801 года – точнее, до того, как Балтика очистится ото льда и три эскадры (русская, шведская и датская) смогут соединиться. Командовать балтийской экспедицией было поручено адмиралу Паркеру. Это был осторожный служака, действовавший с оглядкой и неспособный на серьезный риск. Именно такой командующий и требовался, ибо пока в решительных акциях не было нужды. Одновременно с эскадрой Паркера в Данию направлялся дипломат Ванситтарт, которому надлежало попытаться под

угрозой применения силы склонить датское правительство выйти из Лиги вооруженного нейтралитета и встать на сторону Англии. Вторым командующим был назначен вице-адмирал синего флага Нельсон. Это звание он получил 1 января 1801 года. Нельсон был придан Паркеру на тот случай, если вдруг понадобится прибегнуть к смелым, активным военным действиям. 15 марта 1801 года правительство Аддингтона утвердило директивы Паркеру, согласно которым в случае успеха дипломатической миссии Ванситтарта английская эскадра должна была немедленно войти в Балтийское море и атаковать русскую эскадру – 12 линейных кораблей, стоявшую на рейде в Ревеле. После расправы с ней надлежало сразу же взять курс на Кронштадт, эту главную военно-морскую базу России на Балтийском море. Шведов надеялись запугать так же, как и датчан. И Паркеру и Нельсону было ясно, что основным противником в этой

операции является Россия. Эскадра вышла из Ярмута (английский порт на побережье Северного моря) 12 марта и через десять дней была уже у входа в пролив Зунд, отделяющий Данию от Швеции и ведущий в Балтийское море. Здесь от возвращавшегося из Дании Ванситтарта Паркер узнал, что датчане не поддаются на шантаж и старательно укрепляют Копенгаген со стороны моря, готовясь решительно оборонять свою столицу. Нельсон предложил нерешительному Паркеру атаковать Копенгаген, поскольку дипломатические переговоры не привели к успеху. На первый план, естественно, выдвинулся Нельсон, хотя он и был заместителем Паркера. Предстояло решить весьма трудную задачу, так как Копенгаген защищали не только корабли, форты и батареи, но и узкий пролив, изобилующий отмелями. По этой причине вся английская эскадра не могла участвовать в битве. Нельсон заявил, что берется атаковать

Копенгаген лишь с 12 линейными кораблями, 5 фрегатами и флотилией канонерских лодок, бомбардирских судов и брандеров. Паркер утвердил этот план.

Риск был велик. Конечно, ни один настоящий военачальник не может избежать риска, но Нельсон часто шел по этой зыбкой стезе очень далеко. Он как бы следовал девизу молодого Гёте: «Прочь! Вперед! Прежде чем мы сломим себе шею, нам нужно покрыть себя славой».

2 апреля вице-адмирал ввел свой отряд в проход, ведущий к укреплениям Копенгагена. Он не боялся мелей и узких протоков, ибо еще в юности на Темзе приобрел большой опыт плавания в таких условиях. Но все же три корабля сели на мель. Остальные суда атаковали датские укрепления и неожиданно встретили ожесточенный отпор. Бой продолжался три часа. Отряд Нельсона сильно поредел. Адмирал Паркер, находясь в отдалении и не имея возможности принять участие в сражении, решил,

что поражение неминуемо, и приказал поднять сигнал о прекращении боя.

Капитан Фоли, командир корабля «Элефант», на котором был водружен флаг Нельсона, заметив сигнал, указал на него вице-адмиралу. Но не таков был Нельсон, чтобы отступить в разгар сражения! Опять прямое неподчинение боевому приказу. Последствия могли быть тягчайшими, но Нельсон, не раздумывая (для этого не было времени), заявил капитану Фоли: «Вы знаете, что у меня только один глаз, и потому я имею полное право быть иногда слепым. Клянусь честью, – добавил он, поднося зрительную трубу к слепому глазу, – я не вижу сигнала адмирала Паркера. Оставьте висеть мой сигнал «усилить огонь» и прибейте его, если нужно, к брам-стенге. Вот как я отвечаю на подобные приказания».

Постепенно ситуация начала изменяться в пользу англичан. Но это был далеко не решительный

успех. Эскадра датских кораблей, не участвовавшая в бою, уничтожить которую так стремился Нельсон, оставалась неуязвимой. Обе стороны несли тяжкие потери. У англичан было 1200 убитых и раненых – на 200 человек больше, чем при Абукире. Видя, что противник может уничтожить весь отряд, Нельсон «по мотивам гуманности» предложил датчанам начать переговоры, и после ряда оттяжек 9 апреля командование английской эскадры подписало перемирие с Данией. Так закончилось это нападение английского флота на Копенгаген, предпринятое без объявления войны. К тому моменту датчане уже знали, что 23 марта в Петербурге произошел дворцовый переворот, и Павел I был убит. Какую теперь политику будет проводить Россия – станет ли она по-прежнему поддерживать Данию или захочет восстановить отношения с Англией, – предугадать было трудно.

По условиям перемирия английская

эскадра получила теперь возможность беспрепятственно проходить в Балтийское море. Нельсон рвался к Ревелю. 9 апреля он писал Сент-Винценту: «Если бы от меня зависело, то я уже пятнадцать дней тому назад находился бы у Ревеля, и ручаюсь, что русский флот вышел бы из этого порта не иначе, как с разрешения нашего Адмиралтейства». Вскоре Паркер был отозван в Англию. Нельсон стал главнокомандующим и сразу же повел эскадру на восток. 12 мая корабли англичан бросили якоря на рейде Ревеля. Русской эскадры здесь не оказалось. За девять дней до этого, пробив проходы во льдах, она ушла в Кронштадт, где была недосыгаема для английских судов. Тогда Нельсон попытался придать своему вторжению в прибрежные воды России видимость визита вежливости. Начальнику прибалтийских губерний графу Палену он писал: «Я счастлив, что имею возможность уверить ваше

сиятельство в совершенно миролюбивом и дружественном содержании инструкций, полученных мною относительно России. Прошу вас заверить его императорское величество, что в этом случае собственные чувства мои вполне соответствуют полученным мною приказаниям. Я не могу этого лучше выказать, как явившись лично с эскадрой в Ревельский залив или в Кронштадт, смотря по желанию его величества».

Разумеется, это лицемерное заявление никого не могло обмануть. Ответ Палена гласил: «Его величество приказал мне объявить вам, милорд, что единственным доказательством искренности ваших намерений будет немедленное удаление от Ревеля флота, которым вы командуете, и что никакие переговоры не могут иметь места, пока военная эскадра будет находиться в виду крепостей его императорского величества». Столетие спустя офицер русского флота А. Бутаков писал по поводу

похода Нельсона в Ревель: «Мы, русские, можем со своей стороны торжествовать, что злые козни зазнавшегося английского адмирала получили в России должный отпор, и урок, преподанный Нельсону в Ревеле, был едва ли не самым чувствительным политическим афронтом для героя, испытанным им за всю его блестящую карьеру». Вскоре в Балтийском море произошла встреча Нельсона с новым послом Лондона в России, который на английском фрегате направлялся в Санкт-Петербург. Посол посоветовал вице-адмиралу держаться вежливо и ни в коем случае не мешать намечавшемуся улаживанию отношений между Англией и Россией. Нельсону пришлось внять этому совету. И, как всегда после неудачи, на него напала хандра, он стал донимать Адмиралтейство жалобами на плохое здоровье. Просьба об отпуске была уважена. В июне 1801 года командование балтийской эскадрой принял на себя вице-адмирал Поль, а Нельсон 1

июля вернулся в Ярмут. За Копенгаген он получил, наконец, долгожданный титул виконта. Других наград, однако, не последовало. Вице-адмирал возмущался такой, по его мнению, несправедливостью, публично протестовал и требовал регалий для своих капитанов, но безрезультатно.

В верхах Нельсона не любили, но дальновидные политики ценили его. Популярность же его среди простых людей, особенно после Абукира и Копенгагена, была огромна.

Вице-адмирал выгодно выделялся на фоне своих бесцветных коллег. В народе считали, что Нельсон смел, удачлив, что он сможет наверняка нанести поражение врагу там, где другие это сделать ни за что не сумеют. В условиях грозной военной борьбы, когда способные военные лидеры нужны для выживания нации, люди склонны делать из них кумиров. Впрочем, вице-адмирал и не сомневался в собственной исключительности. Но он был совершенно лишен холодной,

спесивой надменности, столь свойственной английским аристократам. Экспансивный, легко возбудимый Нельсон страшно любил поклонение и лесть (этим путем шла к его сердцу Эмма Гамильтон), но в то же время он был очень общителен и прост в отношениях с офицерами и матросами, неизменно заботился о здоровье и хорошем питании своих экипажей.

Однажды произошел такой случай. Со стоянки его эскадры в Англию должен был уйти фрегат, на котором отправлялась почта. На следующий день ожидалось сражение, и все, кто мог, писали письма. Почта была запечатана в мешки и передана на фрегат, тронувшийся в путь под полными парусами. В этот момент обнаружилось, что молодой моряк, собиравший и отправлявший почту, в спешке забыл опустить в мешок собственное письмо. С растерянным видом он держал его в руке, стоя перед дежурным офицером. Офицер резко отчитал его. Случайно Нельсон находился невдалеке и

видел эту сцену. «В чем дело?» – спросил он офицера. «Пустяк, не достойный вашего внимания, адмирал», – ответил тот, но Нельсон потребовал объяснений и, узнав о происшествии, отдал приказ поднять сигнал и вернуть фрегат. Письмо гардемарина было отправлено. Случай беспрецедентный! Он произошел на глазах сотен матросов, и на завтра его обсуждала вся эскадра. Способность вице-адмирала совершать такие поступки делала его очень популярным среди личного состава флота. В этом Нельсон был похож на Наполеона, но тот разыгрывал такие эпизоды умышленно, с целью произвести впечатление на своих солдат и офицеров. Нельсон же в гораздо большей степени руководствовался искренними порывами души. По возвращении в Англию вице-адмирал обнаружил, что всех опять волнует тревожный вопрос о возможном вторжении французов через пролив на Британские

острова. Достоверно было известно, что в Булони и других портах французского побережья сколачивается флотилия мелких судов для доставки десанта в Англию. Поэтому 24 июля 1801 года Нельсона назначили начальником английской оборонительной эскадры, состоящей из фрегатов и других судов поменьше. Он предпринял два нападения на Булонский порт. Смелые атаки были отбиты с ощутимыми потерями для нападавших, что явилось третьей – после Тенерифа и Мальты – серьезной неудачей Нельсона. Однако дело шло к миру с Францией, и промахи вице-адмирала в проливе Па-де-Кале не сказались на его военной репутации.

В октябре 1801 года Александр I подписал мирный договор с Бонапартом. Примеру своего союзника последовала Турция. А в марте 1802 года в Амьене мир с Францией заключила и Англия. Мир для нее был невыгодным, поэтому он не мог стать долговечным. Но все

же была обеспечена краткая передышка. Потребность в боевых адмиралах на время уменьшилась, и Нельсон целиком погрузился в личную жизнь.

Элементарный такт требует, чтобы при рассказе о деятельности людей, сыгравших видную роль в политической или общественной жизни, в науке или культуре, о них судили в связи с результатами, которых они достигли в своей области. Нередки, однако, отступления от этой доброй традиции. Подчас биографы и мемуаристы упиваются житейскими неурядицами того или иного исторического деятеля. Обычно это делается по двум причинам. Одни с увлечением рассуждают о семейных передрягах своих героев, чтобы под предлогом «скрупулезной объективности» бросить тень на их дела, косвенно дискредитировать их заслуги. Другие же, идя таким путем, пытаются (может быть, даже иногда и бессознательно) приподнять, приукрасить свою

собственную мелкую и
незначительную персону. Максим
Горький о подобных литераторах
писал так: «Странные это существа.
Они суетливо кружатся у подножия
самых высоких колоколен мира,
кружатся, как маленькие собачки,
визжат, лают, сливая свои
завистливые голоса со звоном
великих колоколов земли; иногда от
кого-нибудь из них мы узнаем, что
кто-то из предков Льва Толстого
служил в некоем департаменте,
Гоголь обладал весьма
несимпатичными особенностями
характера, узнаем массу ценных
подробностей в таком же духе, и
хотя, может быть, все это правда,
но такая маленькая, пошлая,
ненужная...»

Отношения Нельсона с Эммой
Гамильтон, однако, не относятся к
этой категории вещей. Даже самые
умные и тактичные исследователи –
советский историк Е. В. Тарле или
американец А. Т. Мэхэн – не смогли
говорить о Нельсоне, не касаясь
его личной жизни. И это вполне

оправдано. Слишком большую роль сыграла Эмма Гамильтон в судьбе Нельсона. Она была его соратником по политике и дипломатии, его доверенным лицом. Их переписка свидетельствует о том, что у Нельсона не было никаких служебных тайн от Эммы. К этому нужно добавить, что их связывала огромная, всепоглощающая любовь, о которой написаны сотни томов. Если в военно-морской стратегии Нельсон был поистине выдающейся личностью, сочетая боевой опыт с полководческим талантом и прозорливостью, то в личной жизни его отличала поразительная наивность и непрактичность. Возвратившись в 1800 году из Италии в Лондон, он искренне надеялся, что его семейные дела как-то образуются, что жена его Фанни все поймет и примирится с существованием Эммы Гамильтон. Естественно, из этого ничего не получилось, произошел полный и окончательный разрыв. Нельсон написал жене прощальное письмо, в

котором говорил, что она никогда не давала ему повода упрекнуть ее в чем-либо. Фанни должна была жить отдельно, все отношения, даже переписка, были прерваны. Нельсон позаботился о том, чтобы его жена ни в чем не нуждалась, он обеспечил ей пенсию в 1200 фунтов стерлингов в год. Этого было вполне достаточно, чтобы вести образ жизни, соответствующий ее положению, – она ведь оставалась юридически супругой вице-адмирала, виконтессой Нельсон.

С октября 1801 года по май 1803 года Нельсон был свободен от служебных обязанностей и жил в Англии вместе с Гамильтонами. В 1801 году у Эммы родилась дочь, ее называли Горацией. Фантастично, но факт сэр Уильям как бы не знал ни о беременности своей жены, ни о рождении ребенка. Некоторые биографы утверждают, что он действительно ничего не подозревал. Эмма была женщиной изобретательной и маскировала беременность и роды тяжелым

недомоганием. Девочка сразу же была отдана на сторону, кормилице. Появление ребенка на свет и его местонахождение хранились в глубокой тайне. Думается, однако, что 70-летний Гамильтон многое замечал, а об остальном догадывался, но, будучи привязан и к Эмме, и к своему прославленному другу, предпочел делать вид, что считает их отношения платоническими.

У Нельсона никогда не было своего дома, и он страстно желал приобрести его. Теперь, имея правительственную пенсию и доходы от герцогского имения в Сицилии, можно было реализовать эту мечту. Предприимчивая Эмма подыскала километрах в десяти от Лондона приличный дом с довольно обширным земельным участком. Это был Мертон. В сентябре 1801 года Нельсон стал владельцем имения. Всю сумму за Мертон – 9 тысяч фунтов стерлингов – пришлось выложить ему одному, хотя жить там предполагали и Нельсон и

Гамильтоны.

Эмма с присущим ей азартом занялась перестройкой дома, перепланировкой участка. Нельсону все здесь было по душе. Он любил беседовать с часто навещавшими его капитанами, прогуливаясь по площадке, которая называлась «корма». Другая площадка именовалась «палубой». По земельному владению протекал большой ручей – приток речки Уэндл, впадавшей в Темзу. Эмма назвала его Малым Нилом. Сэр Уильям пристрастился к рыбной ловле и подолгу просиживал с удочкой на тихом берегу Малого Нила. Часто бывал он и в Лондоне, целые дни проводя в Британском музее, где находилась значительная часть его художественной коллекции. Сэру Уильяму хотелось тишины, покоя. Как все старики, он любил, уютно устроившись в кресле или на берегу речушки, поразмышлять о смысле жизни. В общем, ему нужен был «спокойный дом», но Мертон не являлся

таковым.

Двухэтажное здание вмещало более пятнадцати отдельных спален, а также большое число общих комнат, холлов, гостиных. И все эти помещения были заполнены многочисленными гостями – главным образом родственниками Нельсона всех степеней и возрастов. За стол садилось ежедневно не менее 15–20 человек. Соседи Нельсона гордились знакомством со знаменитым адмиралом и считали за честь посетить его дом, приезжали и друзья из Лондона, среди них герцог Кларенский, лорд Минто и еще кое-кто из знати. Однако двор и свет в целом игнорировали Мертон и с демонстративным осуждением относились к «тройственному союзу» Нельсона с Гамильтонами. Эмма платила горячей ненавистью аристократическим снобам за их высокомерие. Не заботясь о мнении света, она появлялась в общественных местах вместе с Нельсоном. Эмме очень хотелось иметь открытый, большой радушный

дом. Деньги считать она не умела, и Нельсон постоянно испытывал нужду в наличных средствах. Биографы Нельсона довольно единодушно отмечают, что вице-адмирал был беден, или, точнее, небогат. «Жизнь в Мертоне, – пишет, например, А. Бутаков, – велась широкая в угоду леди Гамильтон и очень отражалась на кармане Нельсона, всегда щедрого и всегда нуждавшегося в деньгах, между тем как его денежное содержание совсем не соответствовало его заслугам отечеству». Несомненно, однако, что Нельсон располагал достаточными средствами, чтобы жить так, как многие люди его ранга. Допустим на минуту, что его доходы составляли бы, скажем, в два раза большую сумму. Можно ли сомневаться, что и они были бы также проглочены Мертоном или еще более великолепным именем. История знает множество случаев, когда величайшие таланты гибли, задыхаясь в нужде. Но бывает и

так: говоря о том или ином деятеле, сетуют, что он страдал от бедности, от непомерных долгов, и забывают при этом сообщить, сколько, скажем, проигрывал в карты оный страдалец...

Бесспорно, тем не менее, что двор, правительство и Адмиралтейство награждали Нельсона меньше, чем других адмиралов. Причин было несколько: его строптивость и самостоятельность, зависть к его выдающимся способностям, происки недоброжелателей и т. п.

Говоря об этих причинах, биографы Нельсона склонны преуменьшать значение зависти посредственностей к таланту. Недоброжелательство к нему в высших сферах и в Адмиралтействе они объясняют тем, что личная жизнь вице-адмирала была пятном на его репутации и вызывала отрицательное отношение к нему со стороны аристократии и чиновной верхушки.

В данном случае мы имеем дело с классическим английским лицемерием. Английские словари

толкуют лицемерие как «лживую претензию того или иного лица выглядеть добродетельным и безупречным». Оценивать эту сторону жизни Нельсона можно и нужно только с учетом фактических, а не ханжески рекламируемых в классовых интересах моральных норм, которых придерживались круги, осуждавшие Нельсона, а иногда и подвергавшие его ostracism.

Здесь уместно вспомнить моральные принципы Гревилля и Гамильтона, о которых говорилось выше. Это было не исключение, а правило.

Свидетельств тому бездна. Возьмем лишь одно из самых свежих. В июле 1973 года американский, отнюдь не прогрессивный журнал «Ньюсуик» посвятил этой проблеме специальное историческое исследование. «Нравы англичан, — отмечалось там, — всегда интриговали и сбивали с толку иностранцев. В течение веков европейцы, посещавшие эту холодную и сдержанную страну, с изумлением и часто с завистью узнавали, что

разнообразии, утонченность и изобилие сексуальных развлечений в лондонском полусвете оставляют позади столицы континента». И далее автор статьи продолжал: «Англия никогда не была такой, какой ее пыталась представить викторианская мораль. Если сегодня Лондон напоминает Вавилон-на-Темзе, то это не более чем роскошное издание жестокого чувственного города XVIII века... В начале XVIII века архиепископ Йоркский держал в своем доме целый гарем... Мисс Чадли была уже любовницей трех пэров, когда на костюмированном балу ее заметил Георг II. Ее георгианская эра продолжалась между двумя супружествами (причем в одном случае у нее было одновременно два мужа)».

Среди авантюристок высокого полета одна из наиболее удачливых – красавица конца XVIII века Гарриэтт Вильсон. Список ее гостей читался бы как «Книга пэров» Берка. Начав публикацию своих

мемуаров, она сумела собрать двойные дивиденды со своих прежних покровителей. Заключается эта статья знаменитой аксиомой актрисы Пат Кэмпбелл, относящейся к старому Лондону: «Здесь вы можете делать все, что угодно, до тех пор, пока вы не делаете этого на улице и не пугаете лошадей».

Таковы были нравы в английских верхах в конце XVIII – начале XIX века. В свете этих объективно существовавших условий и надлежит рассматривать отношение лондонской знати к Нельсону.

6 апреля 1803 года «союз трех» пришел к концу. Уильям Гамильтон скончался. Похороны состоялись в Пемброкшире. Нельсон на них не присутствовал: он не любил похорон и по возможности старался избегать подобных печальных церемоний. Эмма скорбела о кончине человека, который так много сделал для нее и всегда был добр к ней. Правда, завещание сэра Уильяма свидетельствовало о том, что в последнее время его отношение к

жене изменилось: он ничего не оставил ей, назначив своим единственным наследником Чарльза Гревия. Но Эмму это мало заботило. Все ее помыслы были сосредоточены на другом. Уход из жизни сэра Уильяма делал несколько более реальной ее «голубую мечту» – официально стать супругой своего возлюбленного. Однако на пути к алтарю все еще стояла законная леди Нельсон.

После смерти Гамильтона Эмма и Нельсон смогли, наконец, взять к себе нежно любимую ими обоими Горацию. Но мертоновской идиллии не суждено было долго длиться.

Период неустойчивого мира заканчивался. 8 марта король обратился к парламенту с призывом готовиться к возобновлению военных действий. 16 мая Нельсон был назначен главнокомандующим Средиземноморской эскадры, а через два дня официально началась война между Англией и Францией.

Британский флот возобновил блокаду французских портов. Англичане не

захватили много торговых судов противника. В свою очередь, французы заняли Ганновер, принадлежавший королю Георгу III, и энергично готовились к вторжению в Англию.

Переход от мира к войне ознаменовался уходом Аддингтона и возвращением на пост премьер-министра Уильяма Питта, сторонника энергичной военной борьбы против Франции. В это же время генерал Бонапарт короновал сам себя и стал императором. Его агрессивные планы, отражавшие захватнические устремления крупной французской буржуазии, создавали угрозу многим европейским державам и стимулировали создание третьей коалиции против Франции.

Нелегко налаживался этот союз.

Многое разделяло союзников. Наглые претензии Англии на право контроля в открытом море торговых судов всех государств вызывали возмущение в Петербурге.

Англо-русские противоречия были сильны и на Ближнем Востоке.

Однако перед угрозой со стороны общего врага взаимные претензии отступили на второй план, и 11 апреля 1805 года в Петербурге был подписан англо-русский договор о союзе. В коалицию вошли Австрия, Турция и ряд других стран. Вице-адмирал Нельсон поднял свой флаг на корабле «Виктори». Это было уже изрядно изношенное судно, спущенное на воду еще в мае 1765 года. Водоизмещение – около 2 тысяч тонн, то есть обычное для трехпалубных линейных кораблей тех времен. В конце XVIII века в дни бурных мятежей на флоте «Виктори» служила плавучей тюрьмой. Теперь корабль был отремонтирован и стал флагманом эскадры Нельсона. Опять, как и несколько лет тому назад, Нельсон караулил французский флот, базировавшийся в Тулоне. В январе французский адмирал Вильнев, воспользовавшись штормовой погодой, обманул бдительность англичан и вышел в море. Опять Нельсон терзался сомнениями относительно намерений

противника. Повторилось то, что происходило в 1798 году. Нельсон решил, что Вильнев повел свои корабли на Ближний Восток, и направился к Александрии. О французском флоте там и не слышали. В это время французские суда, сильно потрепанные штормом, вернулись в Тулон.

Снова началась скучная и изнуряющая блокада. Но опять эскадра Вильнева вышла из Тулона (опять англичане ее проморгали) и, благодаря шальному попутному ветру проскочив Гибралтар, двинулась на запад, через весь Атлантический океан в Вест-Индию. Там ей предстояло 35 дней ждать прихода другой французской эскадры – из Бреста. Соединившись, они вместе с союзной испанской эскадрой должны были направиться в Ла-Манш и прикрыть переправу через пролив французских сил вторжения в Англию.

Нельсон пытался опять искать французские корабли в Средиземном море. Затем, получив из Гибралтара

сведения о том, что они ушли в океан, предположил – Вильнев взял курс на Вест-Индию. Зачем туда пошли французы, он, конечно, не знал, считая, что цель – захват вест-индских английских колоний и, прежде всего острова Ямайки. И тогда Нельсон принял очень ответственное решение идти вслед за французами, нагнать их в Вест-Индии и сорвать их планы. Завидев английскую эскадру, Вильнев, никак не ожидавший ее появления, испугался, что в распоряжении противника имеется значительно больше кораблей, чем у него, и, не выждав положенного срока, отправился обратно в Европу. На его счастье, брестская эскадра так и не вышла к нему навстречу. Нельсон послал быстроходный бриг в Англию и предупредил, что французская эскадра возвращается. Это означало, что ее следовало встретить, навязать бой и уж, по крайней мере, не дать ей возможности соединиться с

испанским флотом.

Сигнал Нельсона был вовремя получен. Английский адмирал Кальдер, располагая 15 кораблями, имел стычку с 20 судами французов и испанцев, что привело, впрочем, к ничтожным результатам. Англичане взяли только два испанских корабля. Французы сумели уйти и укрылись в портах Виго и Ферроль. В Англии прокатилась буря возмущения, ибо усилилась опасность вражеского вторжения на Британские острова. Кальдера отдали под суд. Многие говорили о том, что Нельсон этого не допустил бы. Его авторитет, на фоне трусости и нерасторопности Кальдера, вырос еще больше. 18 августа 1805 года Нельсон прибыл в Англию. «Виктори» бросил якоря на рейде Спитхеда. Адмирал крайне нуждался в отдыхе. Он отправился в Мертон, но на душе у него было беспокойно. Нельсон понимал, что предстоят решающие сражения, и, может быть, очень скоро.

Наполеон полагал, что, высадив свои войска в Англии, он не только решит исход войны в свою пользу, но и станет хозяином Европы и всего мира. Вторжение, таким образом, было самым крупным козырем новоявленного императора. На французском побережье Ла-Манша было сконцентрировано более 120 тысяч отборных солдат. Ими командовали лучшие наполеоновские генералы. Для перевозки этих сил было собрано и построено две с половиной тысячи судов. В Англии об этих приготовлениях знали не только правительственные сферы, но и весь народ. Тревога и страх овладели страной. Молниеносные и сокрушительные победы генерала Бонапарта в Италии произвели огромное впечатление. И всех волновал один и тот же вопрос: что может противопоставить Англия французскому вторжению? Как моряк Нельсон считал, что Англия будет спасена только в том случае, если корабли английского флота истребят собранную

французами армаду до того, как она двинется через пролив. Адмирал полагался на те средства, с которыми ему приходилось иметь дело. Преувеличенные надежды на флот лелеяли многие в Англии. И неудивительно – ведь морские традиции в стране имели многовековую давность.

Уильям Питт мыслил значительно шире, чем Нельсон. Как истинный англичанин премьер министр любил и ценил флот, может быть, и преувеличивал его роль в войне, но он понимал, что с помощью одного флота нельзя не только выиграть войну, но даже снять угрозу французского вторжения в Англию. Это можно было сделать лишь наступлением сухопутных армий на Францию с востока и севера-востока. Именно поэтому Питт, не покладая рук и не жалея золота, трудился над созданием третьей коалиции против наполеоновской Франции. И в наиболее опасный для Англии момент – в августе 1805 года – русские

войска под командованием М. И. Кутузова вступили в Западную Европу.

Навстречу Кутузову Наполеон двинул булонскую экспедиционную армию.

Английские политики, допустившие столько ошибок в своих планах борьбы против Бонапарта, не имели серьезной уверенности в том, что русским удастся избежать поражения. А успех французов означал бы, что угроза вторжения могла быть только отсрочена. Лишь значительно позднее выяснилось, что самоотверженные действия русских армий избавили Англию от вторжения наполеоновских войск.

Нельсон надеялся отдохнуть в Англии месяц-полтора. Случилось, однако, так, что ему удалось пробыть дома всего 25 дней. И эти дни не были днями отдыха и покоя. Адмирал часто ездил из Мертона в Лондон. Там страшно тревожились по поводу того, как бы французы и испанцы не собрали свои флоты в один мощный кулак, и желали знать мнение Нельсона о степени

опасности и возможных мерах для ее предотвращения. С ним много раз беседовал Уильям Питт, встречались министры, принц Уэльский – наследник престола, и, конечно, прежде всего, Бархэм, новый глава Адмиралтейства.

Бархэму было уже 80 лет, но он хорошо разбирался в обстановке. Нельсона он близко не знал, но быстро усвоил суть его соображений и проникся доверием к ним. В руководящих кругах создавалось единодушное мнение, что в предстоящем решающем сражении между английским флотом и объединенным франко-испанским флотом командование должно быть поручено Нельсону. Срочно, неотложно нужна была решительная победа на море, и только Нельсон мог привести английский флот к ней. Кальдеры в такой ситуации совершенно не годились. В конце августа Питт сказал Нельсону, что его услуги, вероятно, понадобятся очень скоро. При очередной их встрече были

обсуждены все возможные варианты будущей битвы с вражескими флотами. Питт поставил прямой вопрос: «Кто должен командовать предстоящей операцией?» Нельсон ответил: «Вы не найдете лучшего человека, чем нынешний командующий – Коллингвуд». Адмирал Коллингвуд был другом Нельсона и в тот момент руководил средиземноморской эскадрой. Была ли эта рекомендация искренней? Едва ли. Уж слишком любил Нельсон морские баталии, чтобы упустить случай командовать английским флотом в таком большом и важном сражении. Питт без колебаний отверг предложение Нельсона, заявив: «Нет. Это не подойдет. Вы должны взять на себя командование». Нельсон заявил, что готов отплыть немедленно. В предстоящем сражении англичане надеялись не просто добыть победу, а решительно сокрушить военно-морскую мощь врага (во всяком случае, такова была задача). Нельсон не мог не понимать, что такое сражение

потребуется больших жертв. В те дни адмиралы и капитаны в разгар боя находились на верхней палубе и подвергались той же опасности, что и рядовые матросы. Нельсон в битвах потерял глаз, затем руку, и никто не мог дать гарантий относительно того, что на этот раз шальной ядро не лишит его жизни. Когда все формальности с назначением вице-адмирала были завершены, он написал своему верному другу, банкиру Дэвисону: «Я могу очень многое потерять и очень мало приобрести». И в самом деле, его честолюбие к этому моменту было в значительной степени удовлетворено – он прославился на всю Европу, занимал достаточно высокий пост, любил и был любим. И все это он мог потерять в один миг!

Но, несмотря ни на что, Нельсон был рад своему назначению. В том же письме к Дэвисону он поясняет: «Я иду потому, что это правильно и необходимо, и я сослужу верную службу моей стране». Для Нельсона

сознание долга – это тот внутренний голос души, который диктовал ему образ действий. Отъезд Нельсона из Англии ускорился из-за того, что адмирал Вильнев сумел ускользнуть со своими кораблями из Виго и Ферроля и уйти в открытое море. Куда он направился, в Лондоне не могли установить почти две недели. «Страна, – пишет Мэхэн, – переживала в течение двух недель слишком большой страх, чтобы пойти на риск и снова ощутить это чувство».

2 сентября один из друзей Нельсона, капитан Блэквуд, неожиданно появился в Мертоне в пять часов утра. Адмирал уже встал, был одет и даже позавтракал. Увидев Блэквуда, он понял: произошло что-то из ряда вон выходящее. Тот был послан со срочным донесением в Адмиралтейство от Коллингвуда, но предварительно заехал к Нельсону. Новость была архиважная – Вильнев, наконец, нашелся. Он вошел со

своей эскадрой в Кадис и соединился там с основными силами союзного испанского флота. Для какой цели там собралось столько линейных кораблей врага – неизвестно.

13 сентября 1805 года Нельсон уехал из Мертона в Портсмут. Ехал ночью, в экипаже и утром на следующий день прибыл в порт, где его ожидал «Викторы». За полчаса до полудня его личный флаг – он стал уже адмиралом белого флага – взвился над кораблем, и в четырнадцать часов Нельсон вступил на его палубу. В этот момент, как и вообще в последние дни пребывания на английской земле, он был в радостно-приподнятом настроении – в отличие от своих соотечественников, обуреваемых мрачными, тревожными предчувствиями и страхом перед возможным французским вторжением. Нельсону было поручено или накрепко заблокировать флот противника в Кадисе, или разбить его в решительном сражении. Он

предупредил Питта: «Имейте в виду, только достаточное число кораблей есть залог победы над неприятельским флотом». Питт и Бархэм обещали сделать все возможное. Но нужное, по мнению адмирала, количество кораблей он так и не получил. И, как это неоднократно бывало раньше, ему, прежде всего не хватало небольших крейсерских судов. Нельсон рассчитал, что встреча с противником должна скоро произойти, поскольку из-за концентрации огромного количества судов в Кадисе с многочисленными экипажами там быстро истощатся запасы продовольствия. Пока же адмирал всячески старался выманить противника из порта. Он убрал подальше эскадру Коллингвуда, крейсировавшую вблизи Кадиса с целью обеспечить прочную блокаду франко-испанского флота. Теперь с вражеских кораблей ее нельзя было увидеть, лишь цепочка мелких судов англичан оставалась для наблюдения.

Нельсон прекрасно знал, что французские и испанские корабли превосходят во многих отношениях английские. Но боевая выучка команд – от рядовых до офицеров и капитанов – в английском флоте была значительно выше, чем у французов и тем более у испанцев, которым приходилось подолгу простаивать в портах под блокадой. Это лишало их возможности приобрести необходимый опыт и закалку. А английские корабли в это время непрерывно бороздили воды Средиземного моря и Атлантики.

Французский инженер Форре в 1802 году писал о причине превосходства англичан: «У них на кораблях все хорошо организовано... и артиллерия их хорошо действует... У нас же совершенно противное». Английские канониры стреляли более метко и быстро. Они делали по выстрелу в минуту, тогда как лучшим французским канонирам требовалось три минуты на один выстрел. Французские адмиралы все это

понимали. Особенно скептически оценивали они состояние союзного испанского флота. Адмирал Декре говорил Наполеону: «Я верю в действительную силу кораблей вашего величества и в той же степени уверен в тех кораблях Гравины, которые были уже в море. Но что касается прочих испанских кораблей, которые в первый раз выйдут из порта... под командой неопытных капитанов, то, признаюсь, я не знаю, что можно осмелиться предпринять на другой день после выступления...»

Первый вариант плана сражения Нельсон составил еще тогда, когда английская эскадра гонялась за французами в Вест-Индию.

Окончательный вариант плана был сформулирован на борту «Виктори» 9 октября, вблизи Кадиса. Нельсон решил разделить свою эскадру на два отряда. Большим отрядом кораблей должен был командовать второй флагман – Коллингвуд. Ему надлежало врезаться во вражескую линию, разорвав ее на части. Затем

в дело должен был вступить отряд Нельсона, которому предстояло победоносно завершить сражение. В боевом приказе учитывались многие детали, прежде всего такая немаловажная, как ветер. Кроме того, англичане осознавали, что многое зависит от случая, непредвиденных обстоятельств. Поэтому Коллингвуду и капитанам кораблей предоставлялась возможность проявить инициативу. «Второй командующий будет направлять движение своей линии судов, держа ее в максимально компактном порядке, насколько позволят условия. Капитаны должны следить за тем, чтобы занимать свое определенное место в линии. Но в случае, если сигналы (командующего) будут неразличимы и непонятны, капитаны не совершат большой ошибки, поставив свой корабль против корабля противника».

Обе линии английской эскадры должны были подойти на расстояние орудийного выстрела к центру

вражеской линии, с тем, чтобы как можно быстрее атаковать ее и разрезать у 12-го корабля, считая от арьергарда.

Свой отряд Нельсон планировал направить на вражеский центр. Приказ требовал «приложить все усилия», чтобы захватить главнокомандующего франко-испанской эскадрой адмирала Вильнева и второго командующего – испанского адмирала Гравины. Нельсон предполагал применить ту же тактику, которой он придерживался при Абукире и у Копенгагена. Разница заключалась лишь в том, что там корабли противника были неподвижны, а у Кадиса сражение могло произойти с маневрирующей вражеской эскадрой. Сотни книг и тысячи статей восхваляют Нельсона за произведенную им революцию в тактике военно-морского боя. Это, как и многое другое, приписываемое Нельсону, требует к себе спокойного, трезвого подхода. В действительности заслуга Нельсона

состояла в том, что он, по выражению английского автора У. Х. Фитчера, «приложил здравый смысл к ремеслу войны».

Задолго до Нельсона, за многие десятилетия до описываемых событий, английский флот принял далеко не рациональную тактику, ставшую затем непреложным законом. Боевые инструкции Адмиралтейства требовали от адмиралов ставить свои суда во время боя параллельно линии судов неприятеля. Получалась дуэль двух кораблей, общее сражение распадалось на изолированные схватки отдельных судов.

Первым сломал нелепую традицию, как это уже отмечалось выше, русский адмирал Ф. Ф. Ушаков. Были и в Англии до Нельсона адмиралы, которые понимали абсурдность линейной тактики. В 1756 году, например, адмирал Бинг попробовал изменить ее, но в сражении его постигла неудача, и он был казнен за своеволие. Нельсон же полностью отринул эту тактику и, поскольку

ему сопутствовал успех, достиг громкой славы.

Готовясь к сражению с Вильневым, Нельсон больше всего боялся, что союзный флот не выйдет из Кадиса или, даже если нужда и заставит его покинуть порт, уклонится от сражения с английской эскадрой. Опасения были напрасными. Нельсон не знал, что Вильнев уже не мог не принять боя, так как Наполеон был возмущен нерешительностью своих адмиралов и требовал от них эффективных действий.

Однако военно-морское дело Наполеон знал плохо и не понимал, из чего слагается победа в морском сражении.

Двинув булонскую армию на восток, против Кутузова, император решил, что и французскому флоту следует не торчать вблизи пролива между Францией и Англией, а проводить операции у берегов Испании и в Гибралтарском проливе. Вильневу был дан приказ взять на полгода продовольствия, направиться из Кадиса через Гибралтар в

Средиземное море, в Картахену, и соединиться с находившимися там восемью линейными кораблями. Одновременно с новой оперативной директивой Вильнев получил от адмирала Декре из Парижа следующее письмо: «Главное намерение императора состоит в том, чтобы отыскать в рядах, в каких бы то ни было званиях офицеров, наиболее способных к высшему начальствованию. Но чего ищет он, прежде всего – так это благородной любви к славе, соревнования за почести, решительного характера и безграничного мужества. Его величество хочет уничтожить эту боязливую осторожность, эту оборонительную систему, которые мертвят нашу смелость и удваивают предприимчивость неприятеля. Эту смелость император желает видеть во всех своих адмиралах, капитанах, офицерах и матросах, и, каковы бы ни были ее последствия, он обещает свое внимание и милости всем тем, кто доведет ее до высшей степени».

Прошло всего несколько дней, и Наполеон отдал Вильневу новый приказ, предписывавший после прибытия в Картажену проследовать к Неаполю. «Я желаю, – требовал император, – чтобы везде, где встретите неприятеля, слабейшего в силах, вы бы немедленно нападали на него и имели с ним решительное дело... Вы должны помнить, что успех предприятия зависит более всего от поспешности вашего выхода из Кадиса. Мы надеемся, что вы сделаете все, что от вас зависит, чтобы поскорее это исполнить, и рекомендуем вам в этой важной экспедиции смелость и наивозможно большую деятельность».

Это были не просто приказы.

Наполеон сурово осуждал Вильнева.

«У англичан, – говорил император, – очень поубавится спеси, когда во Франции найдутся два или три адмирала, которые желают умереть».

Не надеясь, что Вильнев по приказу обретет отвагу и мужество, Наполеон срочно направил ему

замену в лице вице-адмирала Розали. Из Парижа в Мадрид, а оттуда в Кадис путь был в те времена долгим. К тому же карета Розали сломалась в дороге, и это вызвало дополнительную задержку. Вильнев узнал о приезде своего преемника в Испанию, когда тот еще не успел добраться до Кадиса. Могли в этих условиях французский главнокомандующий не выйти в море? Обстоятельства работали на Нельсона, хотя он об этом так никогда и не узнал.

У союзников в Кадисе было 33 линейных корабля – 18 французских и 15 испанских. В их распоряжении было 3 французских фрегата и 2 брига. Нельсон располагал 27 кораблями. По количеству орудий англичане также были слабее союзников.

Вывод франко-испанских кораблей из порта затянулся почти на два дня. Англичане тщательно наблюдали за выдвиганием противника и старались, во-первых, занять более выгодную позицию в смысле ветра и, во-вторых, стать так, чтобы Вильнев не смог укрыть после сражения свой флот в Кадисе. В результате сложного маневрирования боевая встреча двух эскадр произошла у мыса Трафальгар, что южнее Кадиса и несколько севернее Гибралтара.

21 октября 1805 года ветер был слабый и неустойчивый, шла зыбь – предвестник скорого шторма, что препятствовало выстраиванию судов в боевые линии. Поэтому французские корабли образовали нечто вроде полумесяца, на

центральную часть которого двигался двумя линиями флот Нельсона. Английский адмирал очень спешил, но ветер – как много от него зависело в те годы в военно-морских баталиях! – обеспечивал движение судов со скоростью примерно пять километров в час. 100-пушечный корабль «Ройал Соверен» возглавлял линию Коллингвуда. «Виктори» под флагом Нельсона, шедший во главе второй колонны, двигался медленнее. Уже в самом начале произошло отступление от принятого ранее плана, согласно которому Коллингвуд должен был атаковать первым. Англичане теперь шли на врага одновременно двумя колоннами, перпендикулярно к линии объединенной союзной эскадры, держа курс на ее центр, где, по их предположениям, находился корабль Вильнева.

Нельсон по привычке вышел на палубу очень рано, как всегда, в адмиральском мундире со всеми орденами, но на этот раз без

шпаги. На «Виктори» был вызван капитан Блэквуд, командовавший всеми фрегатами. Нельсон распорядился, чтобы они занялись добиванием сильно поврежденных вражеских кораблей и сохранением тех судов-призов, которые будут захвачены. Блэквуд посоветовал адмиралу в целях безопасности перейти на фрегат, судно более быстроходное и маневренное. Нельсон не согласился. Капитаны советовали переодеться – ведь блестящий мундир и сверкающие звезды обязательно привлекут к себе внимание врага. А если корабли «свалятся», то есть станут борт о борт и сцепятся парусами и мачтами, то расстояние, отделяющее французских стрелков от палубы «Виктори», станет совсем небольшим. Но Нельсон не обратил внимания и на это замечание. На корабле шли последние приготовления к бою. В помещениях адмирала снимались переборки, убиралось все, что там находилось, к бортам комендоры подкатывали

орудия и подносили заряды. Нельсон спустился в свою, уже преобразившуюся каюту и оформил завещание. Капитаны Харди и Блэквуд на спине нагнувшегося комендора скрепили этот документ своими подписями, с тем, чтобы он имел юридическую силу. «Я вверяю, – писал Нельсон в завещании, – Эмму леди Гамильтон заботам моего короля и страны. Надеюсь, что они обеспечат ее так, чтобы она могла жить в соответствии с ее рангом. Я также завещаю милосердию моей страны мою приемную дочь Горацию Нельсон Томпсон и желаю, чтобы она именовалась в будущем только Нельсон».

Сколь поразительны наивность и простосердечие этого умудренного в походах и сражениях человека! Он был убежден, что его великая любовь к Эмме – вполне достаточное основание для того, чтобы правительство щедро ее обеспечило. Он не мог не знать – леди Гамильтон тысячу раз говорила ему

об этом, – что в высшем обществе ее ненавидят, осуждают и презирают. Нельсон чувствовал это и сам. И, тем не менее, за несколько минут до смертельного сражения он поручает два самых дорогих для него существа заботе короля! Говорили, что, когда через несколько недель Эмме стало известно содержание этого завещания, она воскликнула: «Каким же ребенком был мой Нельсон!»

Король и правительство так никогда и не исполнили последнюю волю национального героя Англии. Остаток своей жизни Эмме Гамильтон суждено было провести в тяжелой нужде и лишениях.

Примерно в 11 часов Нельсон обошел батареи, поблагодарил офицеров и комендоров за хорошую подготовку к бою. Затем дал Коллингвуду сигнал, уточняющий, в каком месте предстоит разрезать строй противника. Корабли французов и испанцев были уже совсем близко. Вдохновение... Оно осеняло Нельсона перед решающими сражениями. Вот и

теперь, в последние минуты перед боем, он приказал поднять для всей английской эскадры сигнал:

«Нельсон верит, что каждый...»

Сигнальщик сказал, что в коде нет таких слов. Тогда Нельсон продиктовал короткий текст, ставший с тех пор боевым девизом его соотечественников: «Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг». Сигнал вызвал взрыв энтузиазма.

Первым вламывается в строй противника корабль «Ройал Соверен», встреченный ураганным орудийным огнем. Вслед за ним «Виктори» держит курс на огромный 130-пушечный корабль «Сантиссима Тринидад» и на «Буцентавр», где находится Вильнев. Но ветер ослабеваает, и «Викторы» движется совсем медленно, а французы, видя флаг Нельсона, бьют по кораблю с особым усердием. Нельзя прорезать линию противника, не «свалившись» с одним из его судов, и «Виктори» «сваливается» с «Редутаблем». Французские артиллеристы и стрелки

в течение нескольких минут выводят из строя почти всех находящихся на верхней палубе «Виктори». Из 110 человек продолжают сражаться лишь 20. Адмирал Нельсон и капитан «Виктори», могучий, широкоплечий Харди, остаются на палубе среди груды убитых и раненых.

Собственно, руководить боем уже нечего. Каждый делает свое дело, зная заранее замысел адмирала. Капитан слышит слова Нельсона: «Дело слишком горячее, Харди, чтобы ему слишком долго продолжаться».

Английские корабли бьют двойными зарядами в упор по амбразурам вражеских судов. Там потери и разрушения еще больше, чем у англичан. После первого же залпа «Виктори» на «Буцентавре» уничтожено 20 орудий и убито 400 человек.

Но французы ведут бой с прежним пылом. Мачты «Редутабля» усеяны стрелками, и они метко шлют свои пули на палубу «Виктори». И вдруг Харди с ужасом видит: только что

стоявший рядом с ним Нельсон падает на левый бок. Наклонившись над раненым адмиралом, сквозь оглушительный шум боя он слышит: «Наконец они меня доконали». Пуля, пущенная стрелком с мачты французского корабля, попала в эполет, прошла через левое плечо, легкое, позвоночник и застряла в мускулах спины. Адмирала снесли вниз, где уже была масса раненых. Он понимал, что это конец; врач стремился лишь облегчить его предсмертные муки. Но, несмотря на страдания, Нельсон продолжал тревожиться об исходе сражения. То и дело он требовал к себе капитана Харди.

А бой продолжался, и лишь через час после ранения адмирала французы дрогнули. В 14 часов с минутами французский главнокомандующий опустил свой флаг. «Буцентавр» сдался, и Вильнев попал в плен. Теперь Харди мог сойти вниз и доложить Нельсону, что взято 12 или 14 французских судов.

В 16 часов Харди поздравил адмирала с победой. «Взяты 15 кораблей», – сообщил он (как потом оказалось, в действительности к этому времени было уничтожено или захвачено 18 судов противника). «Это хорошо, – ответил Нельсон, – но я рассчитывал на двадцать». И тут же приказал Харди стать на якорь. Адмирал предвидел, что скоро начнется шторм, и если побитые корабли не станут на якорь, то затонут или будут выброшены на прибрежные скалы. Харди, который послал к Коллингвуду шлюпку с сообщением о ране Нельсона, заметил: «Я думаю, милорд, что теперь адмирал Коллингвуд возьмет на себя ведение дел». – «Надеюсь не сейчас, пока я еще жив», – ответил Нельсон. Так до последней минуты он не пожелал сдать командование эскадрой. В вахтенном журнале «Виктори» было записано: «Частный огонь продолжался до 4? часов, когда по докладу лорду виконту Нельсону о победе, он скончался от своей

раны».

Перед смертью адмирал все время вспоминал об Эмме и Горации, просил передать им его вещи и локоны волос. Хотел избежать традиционных похорон, когда могилой моряка становится море, и пожелал, чтобы его тело было доставлено на родину. И Харди обещал это сделать.

Нельсон умер, зная, что в последнем бою он одержал победу. Он самоотверженно исполнил свой долг, но умирал не с традиционным возгласом «Да здравствует король!», а со словами любви, обращенными к Эмме и Горации. В те минуты, когда остановилось сердце Нельсона, сдался англичанам

18-й корабль противника. Сражение прекратилось в 17 часов 30 минут. Франко-испанский флот потерпел сокрушительное поражение. Лишь 11 вражеских кораблей ушли в Кадис, а 4 спасшихся в открытом море вскоре были захвачены англичанами.

Трафальгарское сражение было самым крупным по результатам и значению из всех баталий, происшедших на море за 22 года коалиционных войн против Франции.

Харди исполнил последнюю волю своего начальника и друга. Тело Нельсона было помещено в бочку с коньяком и доставлено в Лондон. Произошло это не сразу. «Виктори» настолько пострадал в бою, что его пришлось наскоро отремонтировать в Гибралтаре, чтобы он смог дойти до Англии. Лишь 5 декабря корабль прибыл в Портсмут. Похороны адмирала Нельсона состоялись 9 января 1806 года. Но его мечта покоиться в Вестминстерском аббатстве не сбылась, он был погребен в соборе святого Павла. После событий, о которых шла речь

выше, прошло 170 лет. Тот, кто впервые попадает в Лондон, в тот же день обычно направляется на Трафальгарскую площадь, ибо это одна из главных достопримечательностей сегодняшнего Лондона. В окружении фонтанов и бронзовых львов возвышается огромная колонна. Ее венчает фигура Нельсона со шпагой в руке, как бы прислонившегося к бухте толстого корабельного каната. Снизу фигура адмирала кажется маленькой, в действительности же она в три человеческих роста. На нее ушло 16 тонн меди из расплавленных французских пушек, взятых в качестве трофея при Трафальгаре. Колонна высока, и с ее вершины медному адмиралу видно море...